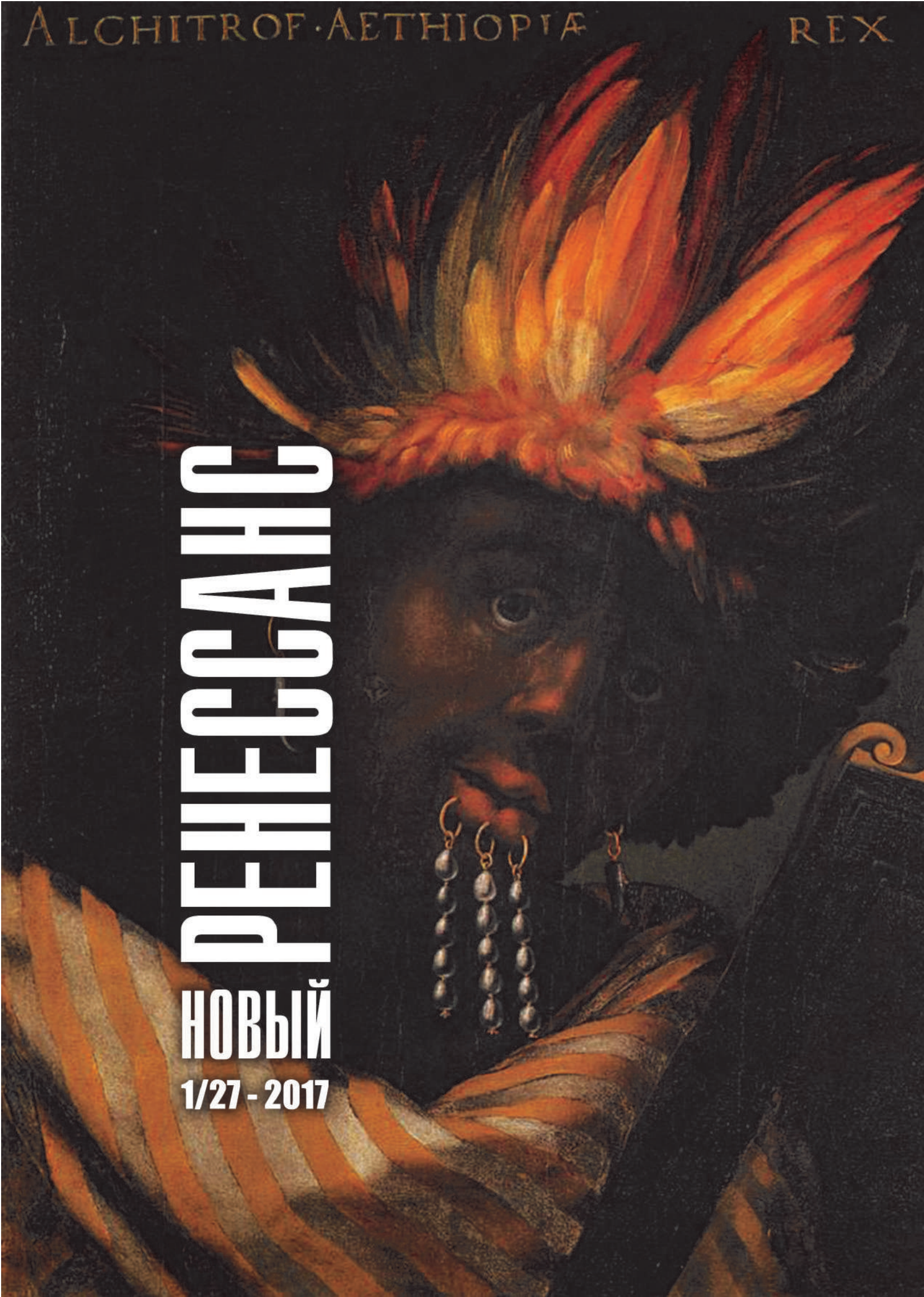


РЕНЕССАНС

НОВЫЙ

1/27 - 2017

Дорогие друзья!

Состоявшийся в 2016 году фестиваль «Грузинская весна», подготовленный по инициативе МГП и представленный на фестивале сборник произведений русских и грузинских авторов с символическим названием «Крестовый перевал» – стал новой вехой в отношениях с писателями Грузии, первой из которых была книга «Путь дружбы».

Особая, поистине праздничная атмосфера подлинного творческого общения, чувство настоящего культурного братства оставили глубокий след в сердцах участников прошлогодних мероприятий. Как человек, выросший в Грузии, бесконечно в нее влюбленный, я не мог без слез читать ваши полные восхищения отклики на события, связанные с фестивалем, на знакомство с Тбилиси и с другими уголками Грузии. Мои постфестивальные встречи в Тбилиси – в частности с председателем Союза писателей Грузии Маквалой Гонашвили, другими деятелями культуры – подтвердили то, что выступления членов МГП, наши проекты и книжный сборник произвели глубокое впечатление на (поверьте мне, очень взыскательную и при всей доброжелательности очень строгую!) аудиторию. Естественным желанием всего этого стало продолжить сотрудничество писателей и вне Грузии, в рамках уже традиционного фестиваля «Русский Stil», посвятив один из фестивальных дней грузинской культуре, тем более что в этом году Союз писателей Грузии – старейший союз писателей в Европе! – отмечает столетие. Более того, возникла идея издания нового сборника, который бы включил произведения наших авторов, посвященные Грузии, и произведения грузинских писателей в русских переводах. Как мы думаем, эта книга могла бы стать хорошим подарком всем нам и, конечно, грузинским коллегам. Будем рады вашему вкладу в общее дело: стихам, рассказам, эссе. Свои работы присылайте, пожалуйста, в секретариат secretariat@ingild.com до 1 июня этого года.

Фестиваль «Грузинская весна», а до этого – презентация нашего сборника «Путь дружбы» в Союзе писателей Грузии запомнились нам одухотворенным общением с грузинскими писателями, чувством литературного братства. Незабываемыми остались встречи с Маквалой Гонашвили – прекрасным поэтом, человеком, излучающим доброжелательность, готовность к сотрудничеству. На презентации «Путь дружбы» и фестивале «Грузинская весна» мы были гостями Союза писателей Грузии, сейчас же г-жа Маквала у нас в гостях – пока виртуально, в журнале, но хочется надеяться, что она приедет на наш фестиваль в октябре этого года. Рад, что при всей своей занятости г-жа Маквала нашла время для интервью, и рад за наших читателей.

Моисей Борода: Г-жа Маквала, со времени Фестиваля «Грузинская весна» прошел почти год, а воспоминания о нем живы в сердцах участников – так, как будто это было вчера. Я помню мою первую встречу с вами, когда я приехал в Тбилиси, окрыленный идеей сотрудничества Международной гильдии писателей с грузинскими писателями и поэтами, с Союзом писателей Грузии. Не забуду вашей мгновенной поддержки, атмосферу праздника, ощущение подлинного литературного братства на книжных презентациях. И вот встреча с вами на страницах «Нового Ренессанса».

Маквала Гонашвили: Г-н Моисей, фестиваль «Грузинская весна» был и остается для меня и моих коллег незабываемым впечатлением. Международная гильдия писателей действительно очень много сделала для укрепления

и развития наших литературных связей. Изданные Гильдией сборники прозы и поэзии грузинских авторов и авторов Гильдии – «Путь дружбы» и «Крестовый перевал» – замечательное достижение.

Моисей Борода: Позвольте начать наш разговор с вопроса не о сегодняшнем дне, но о гораздо более раннем времени, в котором кроется удивительная загадка. Смотрите: вы окончили с золотой медалью школу с физико-математическим уклоном. Зная высокий уровень преподавания физики и математики в этой школе, можно было бы сказать: Ну ясно, девочка поступает в университет – конечно, на физический факультет или на математику. Но нет – вы поступили в университет на факультет журналистики. Почему такой крутой поворот?

Маквала Гонашвили: Да, я окончила 77-ю тбилисскую школу, экспериментальный класс, в котором особый акцент делался на преподавании физики и математики. Мои преподаватели по физике и математике – Давит Гондаури и Лаврентий Джашиашвили – были не только профессионалами самого высокого класса, но и каждый – замечательной личностью. И ученики в нашем классе отличались высоким уровнем. Для меня было радостью и гордостью учиться в таком классе, с такими преподавателями, с такими соучениками. Все так – но... я с детства писала стихи, рано начала сотрудничать с детскими журналами, была ведущей детских телепередач – и душа тянулась к литературе, к писательству, к журналистике, собственно даже не тянулась – она просто им принадлежала.

Моисей Борода: Насколько мне известно, стихи вы пишете с раннего детства, с шести лет, если не ошибаюсь. О чем были эти стихотворения? Помните ли вы их? Спрашиваю еще и потому, что столь рано проявленный поэтический талант подразумевает также и раннюю духовную зрелость.

Маквала Гонашвили: Писать – или точнее, сочинять – стихи я начала с шести лет. Именно так: сочинять, проговаривая. Записывать их я стала позже: в шесть лет я письмом еще не владела. Это было время, когда вся Грузия готовилась отметить 800-летний юбилей Шота Руставели. Улицы были украшены портретами Руставели, на столбах вывешены стенды с афоризмами из «Вепхиткаосани». Изображения Руставели на обложках блокнотов, даже на ученических ручках – все было так или иначе связано с предстоящим юбилеем. Отец подарил мне миниатюрное издание «Вепхиткаосани». Помню, как я поцеловала изображение Руставели на обложке и подумала: «Ах, если бы я могла стать поэтом»! Первое мое стихотворение было посвящено… теме жизни и смерти. Не знаю, почему я в шесть лет написала такие строки:

Маквала Гонашвили

მივქრივარ, თეთრ რაშზე ვზივარ,
Как ветер, мчит меня мой белый раши
მივაპობ მთებსა და ველებს,
Чрез горы и долины
მივქრივარ იქ, სადაც სიკვდილი არ არის,
Лечу туда, где смерти нет,
მივქრივარ იქ, სადაც სიცოცხლე ჩქეფს.
Где жизнь ключом бьет – неостановимо.

Моисей Борода: Поразительно! Точность поэтического образа: волшебный конь, несущий седока, как ветер, проносящиеся горы и долины, стремление достичь земли, где смерти нет. И – шестилетний ребенок! Когда вы ощутили, что поэзия, вообще литература – ваше призвание? Что послужило толчком – признание со стороны взрослых, признанных поэтов или...

Маквала Гонашвили: Когда ощутила, что поэзия – мое призвание? Не знаю. Знаю одно: сколько я себя помню, поэзия была во мне и со мной.

Моисей Борода: У многих литераторов есть тот или те, которые, увидев молодое дарование, стали для него «проводниками», старшими товарищами, а может быть, и учителями. Были ли в вашей жизни такие? Если да и, если это не секрет: кто?

Маквала Гонашвили: В моей жизни большую роль сыграл Джансуг Чарквиани – мой любимый поэт, человек, ставший для меня таким «проводником». Я была в девятом классе, когда принесла в журнал «Цискари» свои стихи. Редактором журнала был господин Джансуг. Он прочел – записывала я стихи в школьную тетрадь – улыбнулся и сказал: «Ты – поэт!» Потом написал на тетради: «Напечатать в ближайшем номере». Вообще могу сказать, что судьба была ко мне благосклонна – и особенно в том плане, что в начале моего писательского пути я встретила такого человека, как г-н Джансуг – чуткого, справедливого. Может быть, встреть я другое отношение, человека другого склада, я испытала бы разочарование, утратила бы надежду.

Моисей Борода: Ваши стихи отличаются мощным драматизмом, острым восприятием трагической стороны жизни. С чем вы это связываете? С судьбой Грузии, которая во все времена была непростой и нелегкой? Или просто Бог дал

вам в придачу к вашему поэтическому дарованию особую чувствительность к трагическому?

Маквала Гонашвили: По образному выражению Бесика Харанаули, у поэта «на одну слезу больше, чем у других» – то есть он чувствует боль, драму жизни острее. Если нет этого качества, если душа не затронута этим глубоко, настоящих стихов не напишешь. Конечно, имеет значение и то, в какую эпоху ты родился. Чего только не вынесло мое поколение в борьбе за свободу! 14 апреля 1978-го года – борьба за сохранение грузинского языка как государственного.

Моисей Борода: Помню это воодушевление: в демонстрациях участвовали не менее ста тысяч (!) человек. Помню свое ощущение радости от общей победы, от того, что чудовищного унижения народа – публичного признания его языка «вторым» на его родине – удалось избежать мирным путем! Увы! – традицией это не стало.

Маквала Гонашвили: Да. В апреле 1989-го раздавленный солдатами советской армии мирный митинг, убитые саперными лопатками люди…

Моисей Борода: Хорошо помню эти дни – девятое апреля и последующие. Военные вертолеты над городом, тяжелые танки на мостах. Патрули на улицах. Жуткое ощущение: твой родной город, такой мирный, такой прекрасный, такой открытый – оккупирован.

Маквала Гонашвили: Но и потом… 90-е годы – гражданская война. Люди сидят без света, голодают, никто ни за что не отвечает, что бы ни творилось. Потом – «революция роз», отношение к интеллигенции, как к списанному товару. Августовская война 2008 года, оккупация. Как шагреневая кожа сужалось пространство моей страны. Наше поколение называют пропавшим, потерянным поколением. Оно – как вырванный судьбой лист из книги жизни. Так что для драматизма было более чем достаточно причин.

Моисей Борода: В самые тяжелые времена для Союза писателей Грузии, когда судьба и Дома Писателей, да и самого Союза висела на волоске, вы и ваши коллеги проявили чудеса самоотверженности и спасли максимум того, что можно было спасти – при полном равнодушии власти к интеллигенции. Наверное, не раз и не два вами овладевало горькое чувство – оно отложилось в ваших глубоко трагических стихотворениях «Подарите мне луну», «Кровавое воскресенье» и других. Я часто спрашиваю себя: почему власть так безобразно отнеслась к тому, что составляет духовный стержень нации? Сказалась тут ориентация на Запад? Общая разруха, желание поднять страну как можно скорее, не считаясь ни с чем? Или просто пришедшая тогда к власти команда утеряла духовную связь со своим народом?

Маквала Гонашвили: Много тяжелого пришлось перенести мне в связи с Дворцом Союза писателей. Пришедшее под флагом демократии правительство рассматривало все и вся как свою собственность; присвоенное тайно продавалось. Положили глаз на наше здание. В 2007 году сотня вооруженных представителей силовых структур в масках ворвалась в здание Союза писателей. Они выбросили на улицу хранившиеся в Союзе предметы, связанные с наследием и памятью ушедших писателей. Здание, однако, продать не удалось, мы долго боролись, на нашей стороне была вся Грузия, зарубежные писатели поддержали нас – это была мощная поддержка. Было написано письмо, под которым поставили подписи украинские, армянские, английские, литовские, эстонские и другие писатели. Сегодня это здание называется Домом Писателей.

Моисей Борода: Зачем, с какой целью его отнимали? Не говоря уже о противоправности вторжения, отъема (в норме: уголовно наказуемом деянии!): чего хотели этим достичь?

Маквала Гонашвили: Ну, с одной стороны, присвоить собственность, с другой – подавить, убить национальное самосознание. Этим темам была посвящена моя книга «Я скажу правду» (2009). Придут новые поколения, и они поймут, что нам пришлось пережить, какую боль испытать, сколько раз сражаться, в скольких битвах выстоять. У правды нет срока давности.

Моисей Борода: Вернемся к вашему творчеству. Вашу поэзию отличает замечательное богатство языка. Это ведь, кроме всего, наследие родительского дома и общение с дедушкой, бабушкой?

Маквала Гонашвили: Я росла в Тбилиси. Моя мама – из Гурии, из того уголка Грузии, где юмор, остроумие, сопровождают каждого от рождения. Мой отец – кахетинец. Кахетия – регион, отличающийся замечательным грузинским языком, сохранившим его чистоту, древние пласты. Мои кахетинские бабушка и дедушка были замечательными рас-

сказчиками сказок. Дар языка у меня – от них, живость, смелость, отвага – от гурийцев.

Моисей Борода: Ваши стихи переведены на русский, английский, немецкий, болгарский... Вы с энтузиазмом поддержали наши инициативы по фестивалям. Насколько я знаю, вы – активный сторонник интернационально ориентированных проектов, и в творчестве, и как Председатель Союза. Какие проекты вы вели или ведете?

Маквала Гонашвили: В течении нескольких последних лет Союзом писателей Грузии изданы антологии армянской поэзии и прозы и отдельные произведения армянских авторов, а армянские писатели перевели и издали отдельными книгами романы Реваза Мишвеладзе, Отара Чиладзе, Ираклия Самсонидзе, Гурама Одишария, мой поэтический сборник. Изданы русско-грузинская и еврейско-грузинская поэтические антологии. В настоящее время мы готовим румынско-грузинскую поэтическую антологию. У нас тесные контакты с писателями Северного Кавказа. Мы издали сборник произведений балкарского писателя Салиха Гуртуева, а он издал «Витязь в тигровой шкуре» и антологию грузинских поэтов. Поэма Важа Пшавела «Гость и Хозяин» был издана на шести кавказских языках. Планируем перевод и издание романа чеченского писателя Канта Ибрагимова. В близкое время им будет издан сборник сказок. Я готовлю к изданию книгу председателя Союза писателей Армении Эдуарда Мелитоняна. Существенно отметить, что юбилей председателя Союза писателей Азербайджана Анара был отмечен в Грузии по инициативе нашего Союза писателей. В Азербайджане же вышел сборник стихотворений грузинских поэтов – стихотворений, блестяще переведенных Аждаром Олом, Имиром Мамедовым и другими. Верю, что восстановятся и литературные связи с осетинскими и абхазскими писателями. Мы, писатели, должны показать народу пример настоящей, подлинной дружбы, взаимопонимания, любви.

Моисей Борода: Вы ведете все эти проекты, поддерживаете писателей, делаете все, чтобы, как говорится, огонь в камине не угасал. Как вам удается сочетать собственное творчество, заботу о членах Союза, участие в проектах... А ведь вы еще и мама двух замечательных молодых людей, с которыми я имел удовольствие познакомиться. Ну, частичный ответ – в вашем стихотворении «Долг» – одном из моих любимых. И все же…

Маквала Гонашвили: Думаю, что первейшая обязанность женщины – семья и забота о детях. Стараюсь быть хорошей женой и мамой. Меня, например, радует то, что мои дети считают меня самой лучшей поварихой.

Моисей Борода: Во время Фестиваля «Грузинская весна» возникла идея закрепить сотрудничество Международной гильдии писателей и Союза писателей Грузии Меморандумом о сотрудничестве: организацией совместных мероприятий: литературных встреч, фестивалей, и т. д. Гильдия посвящает специальный день своего традиционного фестиваля «Русский Stil» грузинской культуре. Планируется сборник со стихотворениями грузинских поэтов в русских переводах, и стихотворениями авторов Гильдии. Вопрос: Какими вы видите перспективы нашего сотрудничества со стороны Союза писателей?

Маквала Гонашвили: Мы планируем перевод на грузинский и издание книги произведений членов МГП, а в дальнейшем – ее презентацию. Верю, что наши совместные фестивали станут традицией.

Моисей Борода: Последний вопрос – традиционный: о ваших планах

Маквала Гонашвили: Этот год для меня – важнейший. Союз Писателей Грузии отмечает 100 лет со дня своего основания. Наш Союз – первый союз такого рода во всей Европе. Готовим юбилейный вечер, книгу-альбом «Союз сердец», в котором будет представлена история Союза на протяжении всего этого времени, а также документальный фильм. Планов много. Надеемся, что правительство хотя бы сейчас оценит заслуги грузинских писателей, их вклад в культуру. В 1917 году, году основания Союза, молодой поэт Тициан Табидзе писал: «Душа народа выражает себя через творчество его писателей. Никто другой не имеет права говорить от имени народа, это данное богом право писателя». Этой верой жила и живет грузинская литература.

Моисей Борода,
представитель МГП в Грузии и
СП Грузии в Германии

НАМ ЭТОТ МИР И БЛИЗКИЙ, И ЧУЖОЙ

Нам этот мир и близкий, и чужой.
Мы проживаем жизнь, мечтая о другой,
Метаясь между дьяволом и богом,
Пока не скажут нам: «Ну все. Пора домой».

***

Мир – дерево, мы – ветки на стволе.
Стремимся ввысь, принадлежа земле.
А дерево стоит перед обрывом.
Сорвался вниз – и след исчез во мгле.

***

О нашей жизни короток рассказ:
«Любил. Страдал. Ушел в свой смертный час».
Пред вечностью мы меньше, чем песчинка.
Но что бы было с вечностью без нас?

***

Как страшно тяжела судьбины десть!
Удар! Еще удар! – Всех их не перечесть.
В отчаянье мы ждем знаменья свыше.
Но вот пришло оно – а как его прочесть?

***

Мы слышим голос бога в тишине.
Он говорит не о грехе, не о вине,
Но утешает нас, нам наполняя душу.
Ведь бог у нас внутри, а не вовне.

***

Мы с другом встретились чрез много-много лет.
Внезапно в жизнь мою пролился с неба свет.
Мы вспоминали прошлое, нам жизнь казалась раем.
...Вдруг сон исчез. И друга рядом нет.

***

Блуждая в темноте, вдруг видим огонек.
То исчезает он, то близок, то далек.
К нему стремимся мы. Но свет ли это с неба
Иль дьяволов огонь, что нас завлек?

***

Кто говорит: «Нельзя прожить нам без вины».
А кто: «Грехи давно уж прощены».
Как много правд! Какой должны мы верить?
И что есть «верить», если есть «должны»?

***

Так создан мир. Он плох или хорош,
На рай он больше или ад похож?
Но если ты не в полном с ним раздоре,
То для себя в нем что-нибудь найдешь.

Переводы Владимира Саришвили

ИНТЕРЕСНО...

Интересно: зачем, для чего я пришла в этот мир?
Или что накоплю, или что унесу я с собою?
Между мною и вечностью четко означен пунктир...
Я стою у черты, я внимаю часов перебою.
Интересно, а кем я была до рождения здесь?
Может, спутницей в свите Деметры? А кто его знает?..
Иль супругой монарха, что вся – величавая спесь, –
Вот какая догадка, внезапная мысль озаряет...
Чародейкой Медеей? Колдуньей, что в ночь и туман,
Ворожа, извергает из тьмы вылетающих бесов,
Или домохозяйкой, иль мученицей Кетеван?
Или Солнца царицей? Так кем я была, интересно...
Чье же тело в душе моей в будущем плоть обретет?
Если волею рока постигну я чувств откровенье,
Испытания тайну, возвышенной жизни полет,
И в едином любовном порыве умчусь по теченью?..
Если ныне и вновь я желанного обожествлю,
Если благословит меня Светицховели сиянье,
С чистым сердцем я нищих монеткой-другой наделю,
Благодатью в душе отразится мое подаянье.
Интересно, зачем, для чего в этот мир я пришла?
Что оставлю я здесь, или что унесу я с собою?
Я долги оплатила, хоть в сущности не поняла,
Что кому задолжала, и кто не дает мне покою?
Матерь Божья, Спасителя рождшая, верую: ты
Вознесешь мою душу на волю из плотской темницы.
Солнце, светоч и жизнь, благодетель земной красоты
Возвещает, что в новом обличье дано мне родиться.

БЛАГОДАРЮ, ГОСПОДЬ!

Благодарю, Господь! Любовь твоя
Простерлась надо мною, окрылила.
Моря и долы облетела я,
Леса, поля и горы исходила...
Благодарю, что мост волосяной
Не оборвался подо мною в бездну,
Что на Голгофе крест поставлен мой,
И что без мук окончен путь мой крестный...

АМАЗОНКА

Из ракушки морской Афродитою я появилась,
Чтобы встретить тебя, что на землю с небес снизошел.
И разлука с девичеством – радость, великая милость,
Целомудрия в дар я тебе приношу ореол.
Нашу свадьбу Всевышний своей озарил благодатью,
Море дружкою стало, а небо держало венцы,
И свершился обряд, шелестит мое белое платье,
И летят во все стороны радостной вести гонцы.
Солнце, звезды гостили у нас, беззаботно пируя,
Райских яств, райских вин изобилье ласкало сердца,
И покинула свой заповедник луна и, ликуя,
Серебрилась лучами – и песни лились без конца...
Пошепталась я с морем, и море меня уступило,
И не стало чинить нашей страсти препон и преград.
Я оставила морю ракушку свою, как могилу,
К жизни новой пришла, и пути мне не будет назад.

АКТЁР И РЕЖИССЁР ЕГОР БАРИНОВ

Как и к большинству коллег, признание к Егору Баринову не пришло вдруг, узнаваемым он стал благодаря работам в многочисленных сериалах. Кому-то из зрителей запомнилась роль Воронцова в «Кадетах», другие отметили колоритного бандита по кличке «Рука» из «Кармелиты», третьи – Михеева в фильме «Большая нефть». Как ни странно, но момент творческого расцвета еще в юности ему предсказал... отец – актер Валерий Баринов, который однажды заметил, что придется дотерпеть до тридцати лет, и тогда наступит его время…

Ну а я в очередной раз сведу брови домиком и воскликну: «Как много вокруг интересных людей!», с которыми сводит судьба. Сегодня я беседую с Егором Бариновым.

– Егор, ваша биография сызмальства связана с творчеством. Вы уже в возрасте шести лет выступали на профессиональной сцене. Как это произошло самый первый раз? Что это был за спектакль, где? Помните ли свои первые ощущения, может быть: переживания, страхи, сомнения?..

– Да, на Мосфильм я попал в пять, а в Театре Советской Армии я начал репетировать в спектакле «Закон Вечности», который ставил Юрий Иванович Еремин. Играл я главного героя в детстве. Действие происходило в больничной палате. Спектакль начинался с моего появления из-за спинки кровати, на которой лежал главный герой. Набирался свет, я произносил свой монолог, затем я выходил вперед, и начинались сцены воспоминаний героя о детстве. Но как сейчас помню, самым сложным было просидеть за кроватью под белой простыней пятнадцать минут неподвижно. Дело было в том, что по замыслу режиссера: с того момента, как в зал запускали зрителей, и они рассаживались по местам, занавес открывался, поэтому артисты должны были быть заряжены на сцене заранее.

– В прессе пишут, что ваш отец мечтал о том, чтобы вы продолжили его дело и стали актером, поэтому он всеми возможными способами «погружал» вас в профессию. Как это выражалось?

– Отец привел меня на Мосфильм и в театр, а дальше я, вроде, все решал сам, но когда попадаешь в детстве в это «болото», оттуда не просто выбраться – у меня не получилось.

– И все-таки: что или кто больше всего повлиял на выбор вашей профессии?

– Отец наполнил мое детство театром. Я вырос, как говорится, за кулисами. Мир театра и кино был значительно ярче обычной жизни, поэтому мой выбор, с точки зрения эмоционального человека, коим я был и остаюсь, вполне логичен.

– Расскажите, пожалуйста, где вы играли или снимались, наиболее примечательные для вас роли в театре и в кино.

– На данный момент я сыграл более ста тридцати ролей в кино и на телевиденье, самой, на мой взгляд, удачной была роль в последнем фильме Валерия Рубинчика «Нанкинский Пейзаж». В театре у меня были и есть довольно удачные работы, но что-то выделить я не могу, надеюсь мои лучшие роли впереди. С возрастом набираешься опыта, как говорят: «Артист созревает после сорока».

– В 2004 году вы покинули театр. Почему?

– Я покинул стационарный театр, так называемый – репертуарный. Я поменял несколько трупп и ни в одной не прижился. Меня не устроила зависимость, в которую

я попадал. Театры требовали много времени, а удовлетворения от работы и денег приносили мало. Но это я говорю о репертуарных театрах. Театр в моей жизни продолжается в виде независимых проектов и антреприз. Одни приносят творческое удовлетворение, другие – деньги, а бывают спектакли, дающие и то и другое.

– Что для вас кино?

– С развитием интернета может показаться, что кино стало одним из самых доступных искусств. Это, конечно, прежде всего, относится к потреблению, но и производить фильмы стало значительно дешевле и проще. Снять свое кино сейчас может практически каждый. И здесь кроется реальная опасность – утонуть в том видеопотоке, который хлынул на нас с экранов компьютеров, так и не разыскав тех редких струек истинного искусства. Для меня кино – это возможность высказаться и быть услышанным большой аудиторией. Но для того чтобы тебя слушали и смотрели, необходимо найти очень интересную форму для своего высказывания. Если будешь зануден и скучен, никто не станет вглядываться в глубину твоей мысли, а круг твоих зрителей сузится до точки, и этой точкой окажешься ты сам.

– Кто или что вдохновляет вас на работу?

– Многое: мои дети, бывшие жены, мать, деньги, путешествия, новые места, новые люди и, конечно, мои ошибки. В общем, все, что доставляет радость и боль.

– В каком жанре вам интереснее всего работать?

– Трагикомедия. Ирония позволяет разобраться в большинстве жизненных перипетий. Смех сквозь слезы – это то, что я хочу видеть в глазах моих зрителей.

– Многие профессионалы киноиндустрии говорят, что при просмотре фильмов они, прежде всего, смотрят не на сюжет, а на то, как снят фильм, на его конструкцию, на приемы оператора и т. д. А как смотрите «чужое» кино вы?

– Когда оно меня не трогает, так же, но если фильм вызывает эмоции, которые способны оторвать меня от сценарных конструкций и созерцания операторского искусства, я его пересматриваю один или несколько раз с целью понять, как он сделан и каким образом умудрился меня растормошить.

– А что вы скажете о нашем совместном деле – выпуске буктрейлеров для книг авторов МГП? На ваш взгляд, чем этот вид промоушена книжных изданий отличается от иных: литературных чтений, анонсов и информации в газетах и журналах? В то же время в чем отличие от того же малоформатного кино? Это могут быть более экономичные варианты, доступные заказчикам? Как вы думаете, могут ли буктрейлеры помочь авторам быть узнанными и признанными на более широком географическом пространстве за счет воплощения писательской идеи в визуальном формате?

– Глупо отрицать, что видео стало основой любой информационной политики, поскольку именно видеообраз является самым доступным для восприятия. Сейчас очень сложно что либо продать без видео-рекламы, которая, хотим мы того или нет, стала лицом практически всех продуктов и услуг. Если в небольшом ролике удастся визуализировать аромат книги – ее атмосферу и ключевую идею, то уверен, это будет лучший промоушен. Буктрейлер, безусловно, если не разожжет, то уж точно подогреет интерес к литературному произведению. Весь вопрос в точных и неожиданных идеях, которые можно будет реализовать доступными средствами.

Понятно, что большие издательства, рекламируя очередную книгу, выходящую большим тиражом, стремясь сделать из нее бестселлер, не жалеют денег на создание буктрейлера, поскольку очевидно, что в нынешней ситуации, только очень яркое видео может привлечь потенциального читателя. В наших же условиях, для оптимизации расходов, автор книги и режиссер должны объединить усилия для выработки подходящей идеи. Единственно, что, по моему мнению, не стоит делать при создании данного ролика, так это показывать лица героев. У читателей должен оставаться простор для фантазии, он должен сам рисовать в своей голове лица персонажей. Кино и литература – два разных вида искусства, разница между ними примерно такая же, как между музыкой и скульптурой. Когда мы слушаем музыку, у каждого из нас в голове возникают свои индивидуальные, только нами ощутимые образы. Глядя на скульптуру, мы видим готовую форму, и именно форма вызывает у нас эмоции и мысли. У читателя книги должна быть та же свобода, что и у слушателя музыкального произведения. Режиссеры, создавая свои маленькие «скульптуры» – буктрейлеры, не должны нарушать эту свободу.

– Егор, как вы знаете, современная молодежь мало читает, да и мало смотрит стоящие фильмы, над которыми можно задуматься. Какой вы видите выход из ситуации? Возможно ли вновь приобщить молодежь к искусству?

– Молодежь – это наши дети, которых мы родили и обязаны воспитывать. И если они не хотят нас слушать, то в этом, кроме нас, никто не виноват. Если вы хотите общаться с французами, вы учите французский. Если вы хотите общаться с молодежью, вы должны научиться понимать и воспринимать их язык, а не требовать, чтобы они учили ваш. Сейчас нам довольно непросто читать русских писателей и поэтов допушкинской поры, так и им сложно воспринимать высокомерное занудство взрослых. Как это не банально – им нужны новые формы. Я уверен, что до молодежи можно донести любую глубокою и философскую мысль, я видел тому много примеров. Важно найти интересную и близкую для них форму. Те, кто зарабатывают на молодежи и пихают им фальшивку, очень хорошо изучили рынок и выпускают свою продукцию на «родном» для молодых людей языке.

– Вот вы работаете, в том числе, с детьми, ездите в такой же, как и мы организуем для наших детей, кинолагерь. Как велик интерес у русскоязычных ребят, проживающих за рубежом, к кино, интересно ли им это и, если да, то чем? Что, на ваш взгляд, дает ребятам работа над кино?

– Мы не всегда понимаем, что им интересно. Я слышал фразу от одного из киношников, которые преподавали в лагере: «Вот бы нам такое в детстве». Да, они другие, и многое то, от чего мы в их возрасте сходили с ума, им безразлично. Повторю, для того чтобы понять ребенка, нужно оставаться открытым. Да, мы – старше и опытнее, но мы никогда не видели мир с их точки зрения, мир меняется и сейчас он не тот, что был тридцать лет назад. Честное и открытое взаимодействие взрослых с детьми дает много знаний, нового опыта и эмоций обеим сторонам. Кино – один из лучших способов понять чужую точку зрения.

Беседовала Лада Баумгартен, член МГП

КИНОЛАГЕРЬ

Как и в прошлом году КИТЕМЕА (КиноТелеМедиаАкадемия) и МГП собирают всех тех, кто любит кино и готов участвовать в актерских тренингах и в процессе настоящих киносъемок.

Наш лагерь в этот раз базируется в немецком городе Кель. Кель расположен на реке Рейн и является городом-спутником французского города Страсбург, который находится на противоположном берегу. Два города соединяет «Мост Европы». А это значит, что позавтракать по-баденски мы можем у себя в Германии, а днем прогуляться пешочком в соседнюю Францию и там уже пообедать по-эльзасски. Почему нет?.. Главное – захотеть!..

А рядом с нами – старинные фахверковые домики, древние замки и исторические развалины. И вообще удивительные и живописные места, которые станут откровением для ребят, склонных к любому виду творчества: так что, помимо кино, мы будем рисовать, фотографировать, сочинять стихи и сказки.

А ВСЕ ПОЧЕМУ?
ДА ПОТОМУ, ЧТО НЕ ТВОРИТЬ
ЗДЕСЬ ПРОСТО НЕВОЗМОЖНО!

Проживание, питание, досуг.
Наши комнаты с размещением по 4-6 человек. Трехразовое питание + чай/кофе.
На территории спортивная и игровая площадки, рядом парк с водными аттракционами.

СМЕНА В ЛАГЕРЕ ДЛИТСЯ
С 1 ПО 10 АВГУСТА

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В КЕЛЬ
И В НАШ КИНОЛАГЕРЬ!

ПО ВОПРОСАМ ПРИОБРЕТЕНИЯ ПУТЁВОК,
ПОЖАЛУЙСТА, ПИШИТЕ: KONTAKT@KITEMEA.DE
ИЛИ ЗВОНИТЕ +49174 38 40306
САЙТ: WWW.KITEMEA.DE

НЕМЕЦКИЕ ДЕТИ С РУССКИМИ КОРНЯМИ ПОГРУЖАЮТСЯ В МИР КИНО

НАШИ ДЕТИ В ОБЪЕКТИВЕ!

Фотографии Наталии Райниш

Фотографии Наталии Райниш

ПОЗВОЛЬТЕ ВАС СФОТОГРАФИРОВАТЬ!

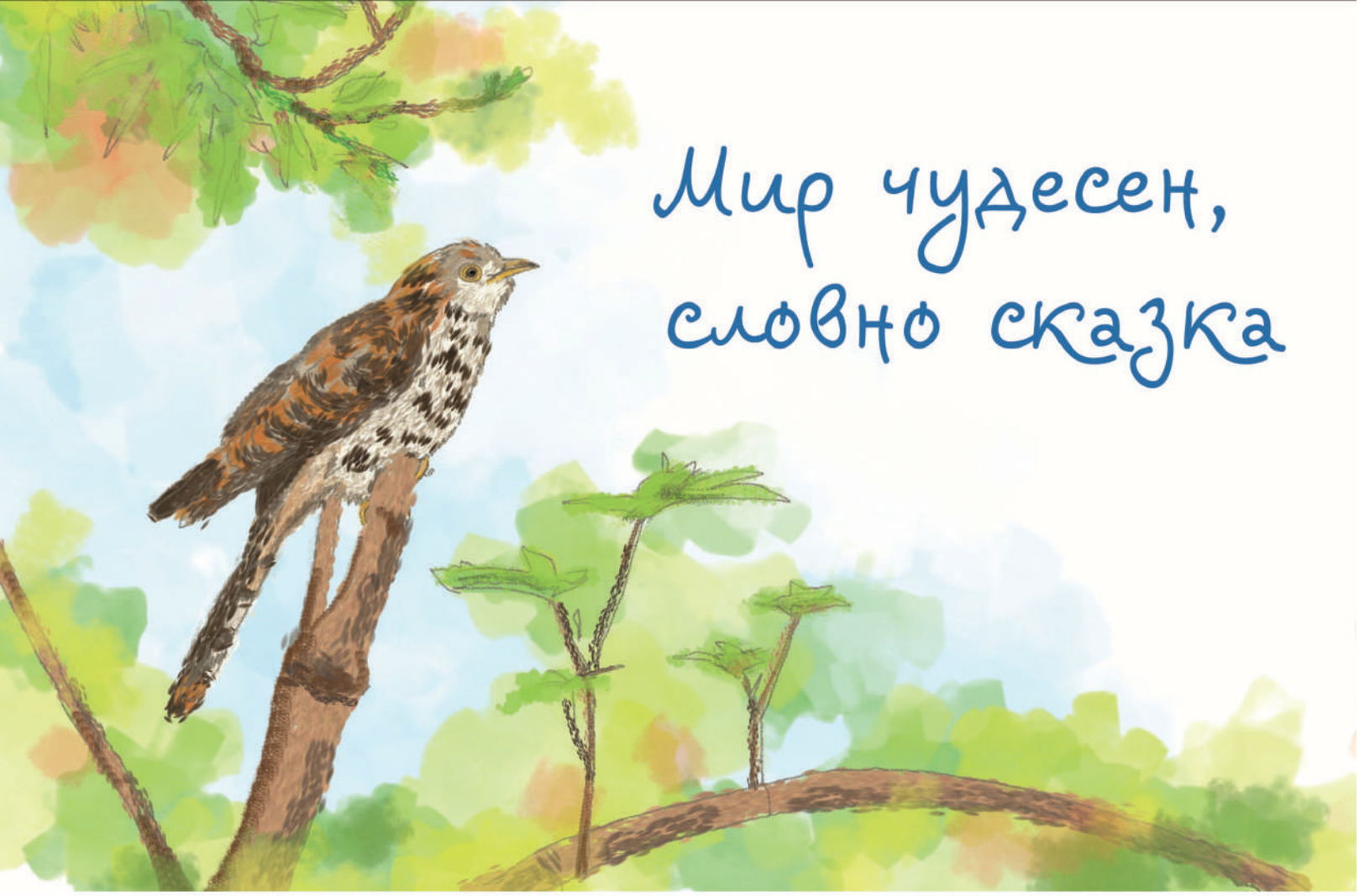
НАТАЛИЯ РАЙНИШ

Жажда знаний и тяга к прекрасному была у меня всегда, я, можно так сказать, «вечный студент». За всю жизнь у меня уже накопилось достаточно внушительная стопочка дипломов и профессий. Успела поработать и стилистом, и модельером, и художником-оформителем, и уже стала директором небольшого швейного предприятия. Но в 2012 году я переехала в Германию и начала жизнь с чистого листа.

По началу было довольно тяжело – ни языка, ни семьи, ни друзей. Шаг за шагом все приобреталось заново. В один прекрасный день пришло ко мне судьбоносное решение. «Надо бы обновить аватарку и сходить к фотографу!» – подумала я, и так и сделала. С фотографом мы подружились, и мне удалось увидеть магически-волшебный процесс обработки фотографий в программе «Photoschop».

Я всегда любила рисовать, но из-за моей хронической лени, которая, как утверждают родные, «родилась вперед меня», рисую не часто. Просто как представлю… застелить рабочее место, установить мольберт, намешать краски… так любая муза покинет. А мне надо все и сразу! И вот, по щучьему веленью, передо мной воплощение всех моих лентяйских желаний. И все, и сразу, и даже более того! Ты берешь фото и легким движением руки фото превращается практически в шедевр живописи! Божественно, просто, прекрасно! И возникла мысль: «Я же тоже так смогу!». А так как, по моему личному убеждению, что к любому делу нужен грамотный подход, то начались поиски школ и охота за знаниями. И вот спустя два года количество дипломов +2, количество новых профессий +1 и новый взгляд на мир! Во истину не впустую потраченное время! И спасибо моим близким за их поддержку.

То, что все творческие люди не совсем «нормальные» – это ни для кого не секрет. Но то, что фотографы видят мир совершенно особенно и волшебно, я даже раньше не догадывалась. Так вот теперь ответственно заявляю как фотограф – нет некрасивых людей, а все вокруг нас гораздо ярче! В любом недостатке, в каждой морщинке и в горбинке на носу, и даже в лишних килограммах и пухлых щечках – своя особенная, неповторимая красота. Любая погода – по своему прекрасна, даже в мрачный дождливый день я вижу яркое отражение в луже и переливы в струях дождя на стекле. Я – словно пес, увидевший радугу, отныне везде и во всем обречена видеть красоту и восхищаться ею! Я люблю живые, настоящие, неподдельные эмоции и отдаю предпочтение цветным фото. Как замечательно, что я могу сейчас этим легко поделиться! Возможно, некоторые обвинят меня в не реальной передачи цветов, но поверьте – я именно так и вижу!: А еще, скорее всего, вы считаете так: «Я не получаюсь на фотографиях!» Не встречала человека, который не сказал бы мне этих слов (я тоже раньше так думала). Что ж – я с радостью готова переубедить всех в этом раз и на всегда! Позвольте вас сфотографировать?!



Мир чудесен, словно сказка

При том огромном количестве книг на русском языке и начинающих, и уже известных авторов, издающихся в Германии, произведения для детей все-таки редкость. По-прежнему отечественные литераторы в большом долгу перед юными и самыми маленькими читателями. В наше время, когда книжные и электронные полки завалены беллетристикой, не очень весело смотреть, когда книга для детей хорошего, но малоизвестного автора сиротливо ютится среди разноцветных обложек современных приключенческих романов и тяжеловесной классики. Поэтому всегда испытываешь большую радость и уважение к автору, пишущему для детей, когда знакомишься с новой интересной, прекрасно оформленной детской книжкой, и еще большую радость, если это детское произведение представлено нашим литературным сообществом. Сборник стихов для детей «Мир чудесен, словно сказка» украинской поэтессы и писательницы Анны Сагармат, пишущей на русском языке, вышедший в издательстве STELLA (Германия), вызывает именно такое чувство.

Впрочем, это не первое произведение киевской писательницы, посвятившей свое творчество детям. Она является автором стихов, басен, поэм и сказок, и к сегодняшнему дню имеет несколько сборников поэтических произведений. Ее книга «Вершина у каждого своя...» была отмечена дипломом Международной гильдии писателей в 2014 году, а последующий сборник поэм и сказок «На грани истины» так же вызывает большой интерес у читателей.

Создавать детские произведения едва ли не самая сложная работа для литератора; чтобы писать стихи для детей – нужно обладать не только поэтическим талантом и эрудицией, но и проницательностью, добротой и глубоким пониманием детской психологии. Не будем забывать, что детские стихи и сказки являются самым коротким путем сообщения между ребенком и взрослым миром. Они развивают у детей воображение, мышление, память, наблюдательность и целую гамму чувств.

Стихи Анны Сагармат, написанные интересно и увлекательно простым литературным языком – легко запоминающимся, интонационно богатым и душевно наполненным – проникнутые любовью ко всему живому, с совершенно доступным для детского восприятия смыслом, активно развивающим пытливое ребячье воображение – безусловно направлены к разуму и чувствам маленького человека.

В своих стихотворениях автор с мягким юмором рассказывает детям об обитателях животного мира – о домашних зверюшках и диких животных, о больших и маленьких рыбах, земноводных и других обитателях подводного царства, о диковинных птицах и даже насекомых; о законах природы, согласно которым протекает полная радостей, опасностей и приключений их жизнь. Что характерно: в стихотворных рассказах автор наделяет своих необычных персонажей поведением и поступками весьма близкими человеку, что делает их очень живыми и понятными для юного читателя.

WWW.STELLA-VERLAG.COM

Когда тигр сыт, известно –
Мил он, как котенок,
И мурлыкает прелестно,
Ну не зверь – ребенок.
Но запомните, ребята, –
Не шутите никогда,
Тигры – вовсе не котята,
Хищники они всегда!

Кто такой хамелеон?
Просят дети рассказать
Почему так назван он?
Любопытно детям знать.
Что сказать, хамелеон –
Ящерица есть такая.
Часто цвет меняет, тон,
Чуть опасность, где какая...

Серый волк по лесу рыщет,
Лязгает зубами,
Голоден, добычу ищет,
В чаще за кустами....

...Жалко зайчика, не скрою,
У природы свой закон,
Может, этим вас расстрою,
Но уж так устроен он.

Есть в стихотворениях и немало лирических нот, создающих представление о природе, то есть о среде обитания жителей зоологического мира:

Ночь тихонько опустилась,
Тишина в лесу, покой…
Сизым облаком сгустилась
Влага дымкой, пеленой…

Осень лес позолотила
И туманы принесла,
Воду в речке остудила,
На траву листва легла…

Конечно, стихотворения Анны Сагармат не претендуют на поэтические шедевры, но написаны они умело и с большой искренностью, это всегда находит живой отклик у детей. И к ним, прекрасно проиллюстрированным, несомненно потянутся детские ручонки. Но эффективнее, на мой взгляд, читать эти стихи вслух. Добрые и поучительные, грустные и смешные, умные и очаровательно звучащие в исполнении бабушки, дедушки, мамы или учительницы первоклашек – прекрасный воспитательный метод, подсказывающий взрослым, как лучше донести эти произведения до детской души. Немаловажный смысл и в том, что к читающему эти стихи взрослому человеку обязательно вернутся добрые чувства, юмор, воспоминания детства, душевная мягкость, а может быть, и романтика, развеянная в прах суетой современной жизни, но так или иначе общение с ребенком точно будет более доверительным. Творческая работа киевской поэтессы располагает к этому.

Я по-прежнему убежден, что писать для детей – самая благородная миссия литератора сегодня. Потому что не компьютерные комиксы, поработившие сознание современного ребенка, смущающие и даже способные разрушить хрупкие детские души, а книги, развивающие детскую фантазию, сохраняющие свежесть чувств, воспитывающие в детских умах правильные представления о добре и зле – хорошие детские книги помогут детям лучше ориентироваться в очень непростом современном мире, и от того, какими людьми они вступят во «взрослую» жизнь, зависит их будущее.

То есть гуманистическое отношение детей к миру нужно воспитывать прямо сейчас. А воспитание детей – это воспитание чувств. Как раз в этом по-настоящему увлекательная детская литература – а сборник стихов Анны Сагармат «Мир чудесен, словно сказка» безусловно к ней и относится – расширяет представления ребенка о мире и помогает маленькому человечку вскоре понять, что наша жизнь не только многообразна и сложна, но также удивительна и прекрасна.

Анатолий Сигалов, член МГП

ПЕРВЫЕ КАЛЕВАЛЬСКИЕ ЧТЕНИЯ В ГОМЕЛЕ

В этом году Финляндия отмечает 100-летие Государственной независимости, поэтому на протяжении всего 2017 года в самой Финляндии и 100 других странах, включая Беларусь, пройдет более 3.000 мероприятий, посвященных этой дате. Напомним, что в ходе Русско-Шведской войны Финляндия была присоединена к России в качестве Великого Княжества. Подписал Фридрихгамский мирный договор граф Николай Румянцев, после смерти отца унаследовавший Гомельское имение и согласно завещания погребенный в Петропавловском соборе.

В этом году отмечается еще одна круглая дата – 25-летие установления дипломатических отношений между Финляндской Республикой и Республикой Беларусь. По случаю двух круглых дат в Минске, в Музее Янки Купалы, состоялось закрытое мероприятие – «“Калевала“ на 25 языках», в рамках которого отрывки из книги прочли представители аккредитованных в Республике Беларусь дипломатических миссий – каждый на своем родном языке. Чрезвычайный и Полномочный Посол Республики Финляндия в Литве и Беларуси господин Кристофер Михельсон призвал всех собравшихся «наслаждаться поэзией, которая в устной форме передавалась из поколения в поколение».

Янка Купала бывал в Финляндии и посвятил стихотворение водопаду Иматра. В августе этого года у вдохновившего белорусского песняра водопада будет установлен памятный знак.

«Калевала» – карело-финский эпос, известный русскоязычному читателю в переводе Леонида Бельского. Впервые книга была опубликована собирателем рун Элиасом Леннротом в 1835 году и сыграла важную роль в развитии финского общества на его пути к независимости страны, став краеугольным камнем финского национального самосознания. И сегодня «Калевала» является источником вдохновения для культурных и политических деятелей в Финляндии и за ее пределами.

За 180 лет книгу перевели 250 раз – на 61 язык мира. В 2015 году появился блестящий перевод с финского языка на белорусский Якова Лопатко, получившего за него в прошлом году престижную международную премию. Ежегодно 28 февраля отмечается «День народного эпоса Калевалы» – официальный день финской и карельской культуры. (Этот же день посвящен финскому флагу.)

В Карелии и Финляндии праздник отмечают карнавалом, театрализованными представлениями по сюжету эпоса и песенным марафоном. Во всем мире в День «Калевалы» поклонники книги собираются вместе и читают отрывки из нее. К слову, на автора «Властелина колец» Джона Р. Толкина «Калевала» произвела неизгладимое впечатление.

Открывая в школе-гимназии № 58 г. Гомеля им. Ф. П. Гааза Первые Калевальские чтения, их организаторы не подозревали о том, что первые (!) Калевальские чтения – причем, систематические – состоялись год назад в Гомельской детской художественной школе искусств.

– «Калевала» – книга для взрослых, но главное в ней, пожалуй, не столько тонкости сюжета, сколько мироощущение – общая картина мира и действующие в ней герои. «Калевала» – один из главных эпосов мира, отражающих детство человечества. Следовательно, книга понятна и созвучна не только взрослым, но и детям. – уверена Эмма Прибыльская. – Для детей «Калевала» – не просто далекая экзотическая страна: они узнают в ее природе свою малую родину – с ее земляничными полянами, лесами, лугами, реками, озерами – и учатся воспринимать мир в целом, единым, неделимым – не вдаваясь в географические подробности. У финнов есть поговорка: «Своя земля – земляника, чужая страна – черника». Такие книги, как «Калевала», учат чувствовать родную землю.

– Мы выбрали фрагменты, доступные детям, и представили им – с их помощью – лишь некоторых героев книги. Читали ребята столь сложные тексты идеально. Музыка речи, высокая поэзия, причем, народная – проверенная временем – поэзия с использованием магических повторов воспитывает поэтическое восприятие мира, любовь к мирному труду, учит цене слова, цене песни, цене мастерства, равно как и распознаванию коварства злых сил, в частности, «птички Хийси», и опасности разрешения конфликтов с применением насилия – образно говоря, огнем и мечом, – считает Лидия Бегинина.

Чтение отрывков и рассказ о книге происходили на фоне скупо (читай: талантливо) подобранного, но чрезвычайно яркого, говорящего видеоряда. Ничего лишнего, чтобы не перегружать ненужной информацией и «красивостями» детскую память. Лишь самое важное, самое нужное. Кто собирал? Что собирал? Где собирал? Какие памятники остались в Карелии и Финляндии?

Дети познакомились с вещим старцем Вяйнямейненом, сыном создательницы этого мира, и с молодым задирой-невеждой Еукахайненом; красавицей Айно, настолько глубоко переживающей незаслуженно нанесенную ей обиду, что по невнимательности она гибнет и становится одной из Дев моря. Поэтично прозвучала жалоба Айно в устах пятиклассницы. Не менее трагична и судьба матери Айно, принуждавшей юную красавицу выйти замуж за мудрого, но все-таки старца.

…На березках тех сидели
Золотые три кукушки.
Все три вместе куковали:
Та «любовь! любовь!» кукует,
Та «жених! жених!» покличет,
Третья кличет: «радость! радость!»

Что «любовь! любовь!» кукует,
Та три месяца все кличет
Той девице, что погибла
Без любви в волнах глубоких.

Что «жених! жених!» кукует,
Та шесть месяцев все кличет
Жениху тому, который
В одиночестве остался.

А что кличет «радость, радость!»,
Та всю жизнь кукушка кличет,
Кличет матери несчастной,
Что все дни в слезах проводит…

Кузнец Ильмаринен может выковать хоть небо, хоть Сампо. Он научился ковать болотное железо на пользу людям, однако злые силы умудрились добавить в сплав вместо меда – яд, и железо стало злым, неуправляемым. Наступили железный век и эпоха войн:

Вышла сталь оттуда злою,
Злобным сделалось железо
И нарушило присягу,
Как собака, съело клятвы;
Без пощады режет брата
И родных с ужасной злобой,
Заставляет кровь струиться
И бежать из раны с шумом.

Другой герой, Лемминкяйнен, поссорившись с женой, отправляется в стан врага за новой женой, вопреки воле матери:

«Мать, ведь ты меня носила!
Дай военную рубашку,
Дай кафтан мне для сраженья:
Страсть влечет меня на битву,
Пиво битвы буду пить я,
Мед отведаю сраженья».

Материнская любовь спасает храброго воина, удачливого охотника, любимца женщин из объятий Туонелы – черной реки смерти подземного царства.

Совсем иная судьба у Куллерво. Ребенком похищен он из колыбели враждующими родственниками, взят в плен и воспитан в ненависти, рабстве, неуважении к труду и к людям – оставаясь при этом непобедимым, неистребимым, жаждущим мести. Все несчастья обрушиваются на него. Перессорившись со всеми, убив практически всех врагов – родню, он теряет смысл жизни и бросается грудью на собственный меч.

Ребята узнали про то, что была на свете Сампо – мельница счастья, и про то, где надежно прятала ее старуха Лоухи, как она защищала ее от калевальцев и куда герои собирались увезти отвоеванную Сампо:

«Вот куда свезем мы Сампо,
Крышку пеструю упрячем:
На туманный мыс далекий,
На покрытый мглою остров,
Чтоб всегда там счастье было,
Чтоб оно там вечно жило.
Там ведь есть еще местечко,
Там клочок земли остался
Невредимый и спокойный
И мечом не посещенный».

Узнали ребята и про то, что в итоге раздора с мельницей счастья случилось:

Ухватилася за Сампо,
Тащит пальцем безымянным,
Тащит Сампо прямо в воду,
Крышку пеструю роняет
Прямо с края красной лодки
В глуби синие потоков.
Так разбилось в море Сампо,
Крышка пестрая сломалась.

Ребята читали руны изумительно: уловили ритм поэзии – завораживающий калевальский размер.

Одной из целей встречи было связать Беларусь со сказочной «Калевалой». Перевод книги с финского языка на белорусский Якубом Лопатко – самый свежий, последний, так что «Калевала» прозвучала и на белорусском. И если отвлечься от непривычных для нашего слуха имен калевальцев, которые, кстати, ничуть ребят не напрягали, то мир Калевалы им близок и понятен. В связи с рассматриваемым карело-финским эпосом напрашиваются две других – белорусских – параллели: «Новая земля» и «Сымон-музыка» Якуба Коласа.

Нельзя объять необъятное, и задорно звучит финал из уст веселого, не обремененного житейскими проблемами мальчишки:

«Водопад, и тот в паденье
Не всю воду выливает,
Точно так же песнопевец
Не споет всех песен сразу.
Лучше вовремя их кончить,
Чем прервать на середине». […]

«Как бы ни было, а все же
Проложил певцам лыжню я,
Я в лесу раздвинул ветки,
Прорубил тропинку в чаще,
Выход к будущему дал я, –
И тропиночка открылась
Для певцов, кто петь способен,
Тех, кто песнями богаче
Меж растущей молодежью,
В восходящем поколенье».

Выбрали учащихся 5 и 6 классов неслучайно. Хотелось заложить традицию. В следующем году надеемся услышать отрывки, выбранные самими ребятами, равно как и увидеть фрагменты «Калевалы» в их исполнении и выставку их картин.

Присоединяйтесь!

Ольга Равченко, член МГП

Валентина Бендерская

ИЗ ЦИКЛА «НЕОПАЛИМАЯ КУПИНА»

***

Мартовским белым цветением мглистым
куст вблизи моего окна
пылает праангельским материнством –
как Неопалимая Купина.
И моисеевым пристальным взором
(только я – из стада овца)
слушаю звук, исполняемый хором
со времен палеи праотца…
Праздник твой нынче, весна-Богоматерь,
иконе цветов поклонюсь.
Только твоим непорочным зачатьем –
я же грешница – не умилюсь.
А помолюсь как заступнице сына,
защищая своих детей,
как в ее вересневый день – Украина
за спасателей-сыновей.

***

Вдох! От земли оторвалась и полетела.
Душа, умершая, очнулась и запела,
о рифмы спотыкаясь вновь…
И в жилах будоражит ровь
стих Иегуды Амихая…
Как птица крыльями у края
гнезда с бесперыми птенцами,
цветок трепещет лепестками.
Мой куст подле окна опять
к весны венчанью веток прядь
облек в священную фелонь
белее снега. На ладонь
листок, как бабочка-душа
моя, цветением дыша,
от баугинии слетает.
Его ловлю. И понимаю,
что я живу.

Глеб Пудов

ОВЛУР

«Коня в полночь Овлур свистнул за рекою,
велит князю разуметь:
князю Игорю не быть в плену!»
(«Слово о полку Игореве»)

Взгляни на него: средь кибиток
крадется он в темной ночи,
возможно, считая убыток
от бегства; у спящих мечи
берет – чужеземца из плена
спасает, могучий, как тур.
Вот так на российскую сцену
выходит чуть слышно Овлур.

И далее – в путь! На свободу?
Конечно. Но лучше – туда,
где меркнут границы, народы
и смысл теряют года!
В историю! В мир хрестоматий,
на полки, в вселенную книг!
Овлур, как явился ты кстати,
как ангел из бездны возник...

Марина Ламбертц-Симонова

ВЕСНА

Уже давно земле пора
Оттаять после зимней стужи,
А день апрельский вновь с утра
Лавиной снежною запружен.

Но ты не прячься в воротник,
Готовься, всматривайся, слушай:
Вприпрыжку мчится озорник –
Смешной, глазастый, весь в... веснушках!
Вокруг спешат, ломают лед –
И нет сердитых, скучных, сонных!
Наверно, каждый пешеход
Теперь поэт или влюбленный.
Так много добрых, светлых глаз –
И столько в них тепла и ласки!
А мы с дочуркой первый раз
Идем, гуляем... без коляски!

Эвелина Цегельник

В НОЧИ

В золотисто-желтом фраке
В небо выплыла луна.
Драгоценным камнем мрака
Залучилась, замерла.

От осин пунцовых рденье –
В небо мечутся костры…
Подвергаются плавленью
Звезды дивной красоты.

Источая свет холодный,
Перламутр, голубизну,
Звезды требуют полотна,
Кисть художника – весну.

И, усевшись в подорожник,
Словно гений Тициан,
Ночь – божественный художник –
На лугах малюет стан:

Безмятежная Даная –
Чувств земных переполох…
Рвутся ангелы из рая
С неба вниз, в чертополох.

Евгений Браверман

ВЧЕРАШНИЙ ДЕНЬ

Вчерашний день чудесен,
Вчерашний день, как праздник,
Как много в сердце песен,
Когда душой проказник.
И нежно греет солнце,
Хоть вечер наступает,
И свет в твоем оконце
Таинственно мигает.
Приветливы соседи,
Неспешны разговоры,
И женщины, как леди,
И мы, как мушкетеры…

Сегодня все иначе,
Сегодня дождь и слякоть,
Не прибрано на даче
И хочется заплакать.
Свирепые собаки,
Соседи крохоборы,
И женщины все «бяки»,
И мы – не мушкетеры.
Гляжу в окно тоскливо
На сумрачные дали –
Природа здесь правдива,
А люди вот едва ли…

Евгений Браверман

СТАРЫЙ САД

Я брел по липовой аллее
Сквозь желто-бурый листопад.
В кашне, завязанном на шее,
И в шляпе, словно на парад.
На мне пальто, ботинки, брюки
И трость вишневая в руке.
В другой, наверное, от скуки –
Веду я пса на поводке.
Мы ищем с ним тот сад нетленный,
Где я гулял давным-давно.
Где вальс играл оркестр военный
Под черно-белое кино.
Где босоногим и сопливым
С друзьями бегал до зари,
Где был веселым и счастливым,
И жизнь была вся впереди.
И вот они, аллеи эти,
Где липы старые стоят,
Деревья, как большие дети,
С укором на меня глядят.
Не плачьте, милые дубравы,
Ведь я, как вы, давно не тот.
Я поменял страну и нравы,
И синякам потерян счет…

Глеб Пудов

***

Снова жизнь удивляет поэтика:
крутит-вертит его, как листок.
Невеселая жизни поэтика –
человеку обычный урок.

Превращаются будни тревожные
в монастырский суровый устав.
Так и катятся судьбы острожные,
изначально от жизни устав.

Марина Ламбертц-Симонова

ТАКИЕ ТЕПЛЫЕ ТРИ СТРОЧКИ

Такие теплые три строчки
Вчера принес мне почтальон,
А утром… брызнул лист из почки
По-детски нежен и зелен.
И свет такой залил оконце,
Что как душою не криви,
Понятно: это все от... солнца
И от... любви!

Глеб Пудов

ЗАМОК В ЛИТВЕ

Тяжек сумрак старинного замка,
сводов каменных резок оскал.
А во рву проплывают русалки:
«Будь же проклят проклятый москаль!»

Башни сонно скрипят кирпичами –
болью дышит пробитый сустав.
Смерть повсюду танцует с мечами,
от пожара и крови устав.

Гедимин! Где могучие вои?
Где знамен гордо реющий шелк?
Возле замка отчаянно воет
без людей умирающий волк.

По совету отца, после окончания школы в 1953 году в городе Дудинке, я поступил в Челябинское военное автотракторное училище, которое окончил в 1956 году, получив диплом с отличием, а посему, посоветовавшись с женой, с которой мы расписались за неделю до выпускных экзаменов, выбрал Закавказский военный округ.

Затем служил в Венгрии, Польше, Прибалтике, а закончил, где и начинал, – на Урале. И где бы я ни служил, везде со мной находилась жена, которая вместе со мной преодолевала все тяготы военной службы и поддерживала меня в трудные минуты. Даже сыновья родились не в России: один – в Грузии, другой – в Венгрии. Они все детство провели в военных городках и иной судьбы, как служение Родине, не предполагали. Я их не заставлял – они сами выбрали свой путь.

МОЯ РОССИЯ

Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить:
У ней особенная стать –
В Россию можно только верить.
Федор Тютчев

«Умом Россию не понять».
Ее история туманна,
Она загадочна и странна,
Умов и мыслей буйных кладь.

Просторы были велики:
«Аршином общим не измерить».
Развал ее уже не склеить
Народной воле вопреки.

«У ней особенная стать».
Без бога, с богом, горделива,
Нежна, сурова, не спесива –
То мачеха она, то мать.

Любовь к Отечеству влечет.
Пред ним не стоит лицемерить.
«В Россию можно только верить».
Она тебя не подведет.

ДУША СОЛДАТА

Шагал солдат к Победе годы...
Шел сквозь огонь, прошел сквозь воды,
Дымы, пожарища войны.
Победный стяг своей страны
Воздвиг над куполом Рейхстага:
Победы завершенной сага.
Устав от воинских хлопот,
Душа ушла на небосвод,
Забыв солдата-человека.
Очнулась на исходе века
И ужаснулась, видя явь.
О, Господи, от мук избавь!
Ужель за то я воевала:
Развал в умах страна познала,
А доллар в обществе – кумир,
Затерты в памяти до дыр
Отечества былые вехи,
На остриé одни огрехи,
Просторы куцые страны,
Позор сограждан от войны.
Былой статýт России съеден.
За что же шел солдат к Победе?!
Едва ль за олигарха род,
Чтоб грабил нас преступный сброд.
Нет, не за то шагал он годы,
Прошел и сквозь огонь, и воды!

СЫНОВЬЯ

Я не хотел, увы и ах,
Сынам военной доли.
Но, видно, службой дом пропах,
Где подрастает воин.

Армейский дух свой вносит вклад,
Марш музыки военной,
Казарм размеренный уклад,
Строй жизни неизменный.

Сыны дорогою отца
К заветной цели вышли.
Любимы мной два молодца,
В них жизнь моя и мысли.

Поэт, общественный деятель, член Союза Писателей Израиля, секретарь Израильского представительства Интернационального Союза Писателей, член руководства Всеизраильской Федерации Организаций Русскоязычных Израильтян.

Многие стихотворения автора стали песнями и с успехом транслируются на российском радио, входят в лучшую десятку. Кроме того Александр-Ошер Штейнберг – лауреат и дипломант всесоюзных, республиканских и международных конкурсов, в том числе и первого творческого конкурса в Израиле «Ашдодская весна».

Печатался в газетах, много пишет, как все современные авторы в Сети, имеет своего постоянного читателя в интернете.

***

Когда бессонными ночами
Я прижимал к груди тебя.
Нас звезды все ж не оставляли,
И свет дарили свой, любя.

Часы, как бритва, отсекали
От жизни прошлого куски.
Они спешили и рубали,
Нас не жалея сжав в тески.

На ночь одну они притихли,
Нам не мешая мирно спать,
Но времени потери вихрем
Все ж продолжали улетать.

Но даже в страшные минуты,
Поняв беспомощность свою,
Твои я принимаю путы
И время жизни отдаю.

Быть может, было б все ужасно,
Когда б ни данный богом дар.
И я пишу, как жизнь прекрасна,
И воспеваю жизни жар!

А ты, не думая о вечном,
Котенком дышишь на груди.
И спишь бестрепетно, беспечно –
Ведь столько счастья впереди!

РИГА

Стою у Домского собора,
Любуюсь строгой красотой,
От твоего не скрылся взора
И я с седою головой.

Ты, словно лебедь, проплывала –
Вся в белом, зимнем полусне
И взглядом января ласкала,
Любовью воспылав ко мне.

О, Латвия, и я не скрою,
Что возлюбил тебя в сердцах!
Ты не оставила в покое
Моей души замерзший прах.

Бальзамом залечила раны,
Любовью тихой чистоты.
Я видел города и страны,
Но Ригою зовешься ты!

Мы были вместе вечерами,
И утром свежесть янтаря
Ласкал своими я губами,
Шепча: «О, Рига, ты моя!..»

***

Душа – она такое чудо!
Душа парит буквально всюду:
В цветах и в небесах, и в лике,
Застывшее дыханье книги!

Прочти ее, мое дыханье,
Полет души, концерт сознания!
И осознай – Создатель рядом –
Он наградил тебя наградой –

Душой небесною высокой!
Умом пытливым и глубоким!
Глазами видишь ты все это.
Читайте душу вы поэта!

Листайте, не жалейте время.
Проходит все. Да, мы стареем…
Но если ты читал и слушал,
Значит, и ты имеешь душу!

Кино кином, как «Песнь песней», было для нас, пацанов, волшебным звуком, явлением, пришедшим из иных миров, оно было главнее запуска самодельного змея в летний солнечный день, купания в быстрой, но мелководной, стремительно несущей нас по течению речке, важнее победы в «вышибалочке» или «пристеночке» с крупным выигрышем. Конечно, приезд Цирка-шапито с брезентовым круговым шатром или передвижного зверинца, которые ненадолго по очереди располагались на базарной площади, не шли ни в какое сравнение. В далеком детстве, когда очередной новой фильм крутили по целому месяцу, посещение кинотеатра было долгожданным событием. Справа от экрана висел вертикальный продолговатый щит, на котором белым по красному сияли слова, написанные горизонтально и наискосок, но по одному в каждой строке: «Из всех искусств для нас важнейшим является кино» Ленин. Дураку было и так все ясно с кино, а тут еще подтверждение самим Владимиром Ильичом. Мы занимали ненумерованные места и отчаянно скрипели креслами. Глубоко понарошку проваливались в них, перекидывая ноги через край сиденья, вставшего под острым углом. Лузгали семечки, это стихийное для контролеров и уборщиц бедствие, оставлявшее после себя сплошной махровый, шуршащий под ногами ковер. За несколько минут до конца сеанса мы смывались со своих мест, чтобы нас не застукали и не опозорили на весь зал, когда вспыхнет яркий свет.

Перед началом основного фильма обязательно шел киножурнал. И сколько бы раз повторно мы не ходили на фильм, на экране повторялись важнейшие события нашей Родины. Кинотеатр так же назывался «Родина». Во весь экран сияли улыбки передовиков производства на фоне доменных печей и шахтных терриконников, шагали колонны спортсменов, четко заносивших перед собой руки, согнутые в локтях, все, стандартно накаченные, независимо от пола были в белых маечках и коротких трусиках; лихо отплясывали мужчины в сапожках «в гармошку»; кружились на фоне цветущих яблоневых садов и одновременно пели частушки и отбивали «топотухи» хороводы девушек в пестрых нарядах, впереди которых обязательно была пышная солистка с толстой косой, уложенной венцом вокруг головы. Иногда были кадры посерьезней: вручение наград патриотам, лично выявившим наибольшее количество шпионов и врагов народа. Запомнилась женщина, которой на грудь прикрепляли Орден Ленина. Одним словом, тридцать одноименных орденов она получила. И потом, стоя на трибуне, она грозила еще не выявленным врагам кулаком, далеко летящим в зал.

Позже мы узнали суть этого героизма, а семьи некоторых пацанов испытали это на собственной шкуре. Слово сексоты еще не было в ходу. Но выступление этих героев тогда вызывало спокойствие и гордость за наше Великое и непобедимое государство, в котором такие люди.

Однажды проскочил документальный фильм, о котором афиша извещала так: «По этапу. (Освенцим)». Шел этот ужасный фильм один раз, и больше я его никогда не встречал. Но главное событие – новый полнометражный фильм – было впереди, и мы предвосхищали его с нетерпением. На нас обрушились авторитетные фильмы с таинственным названием: трофейные. Какой фильм, трофейный? – выясняли мы. Трофейный. Ну это же воще! Чего стоил Тарзан! А его двуногая подруга и свидетель всех событий – мартышка Чита.

Выйдя из кинотеатра, мы говорили, визжали и улюлюкали на обезьяньем языке. А во время сеанса топали ногами, свистели, качались на лианах, ныряли в глубину и выносили подругу на руках. Семечная шелуха повисала на наших губах.

После французского фильма «Три мушкетера» мы горланили песню со словами: *«Вар-вар-вар-варвара, мечта моя Париж, / Поэтами воспетый от погреба до крыш!»* Фехтование на самодельных шпагах шло с утра до вечера. Шпаги выстругивали из палок или из срезанных веток и втыкали гвоздь в их разящий конец. Финалом сражений могли быть выколотые глаза, а уж о разодранной одежде и царапинах на лице и говорить нечего.

С каким блаженством, придыханием, надеждой на счастье мы смотрели наш родной фильм «Приключение Буратино». И когда Буратино протыкал намалеванный очаг, закрывавший секретную дверь и входил в мир, где ожидало счастье, мы следом за этой компанией тоже проникали туда вместе с Буратино, Алисой, столяром Джузеппе и папой Карло. И песня была душевной:

«Далеко, далеко, за морем
Стоит золотая стена,
В стене той заветная дверца
Для сердца большая страна».

Может быть, понимание большой страны моими ровесниками было несколько иным, чем у нынешних детей, ведь тогда большая часть зала жила впроголодь. О смартфоне и мобильнике тогда не грезили, да и слов таких не слыхали, не то чтобы реального существования. Черно-белое кино врывалось в наш ребячий мир ярко расцвеченный весной в белоснежном одеянии яблоневых садов, фантазиями, шумными играми, самоделками и змеями с тряпочными хвостами, взлетавшими в небеса. Событий однозначных, выборочных не было.

Рядом с кинотеатром стоял вагончик с названием «Тир». В его глубине, на невидимой ленте скользили полинявшие, многократно расстрелянные жестяные птицы и звери. Кто-то мудро и предусмотрительно поступил, прикатив это обшарпанное передвижное заведение к кинотеатру, где всегда паслась пацанва. У кого были свободные (ха-ха!) деньги, платили за четыре свинцовые пульки, чтобы пострелять из «духовушки». Зрители, из числа неимущих, глазели на стрелка и на мишени, которые не всегда опрокидывались. И тогда раздавался всеобщий крик: «Мазила!» Те выстрелы все еще таятся в памяти, но однажды возвратились ко мне стихотворением:

ТИР

Никуда не деться,
Так устроен мир:
В том далеком детстве
Обожал я тир.
Пульки то и дело
Бились о металл,
И журавлик белый
В небеса взлетал.

Вновь мишени плыли,
«Тирщик» не дремал,
Мне «за рупь четыре»
Пульки отсыпал.

Пусть мишень из жести,
Миг, остановись,
Чтобы в перекрестье
Не попала жизнь.

Вовсе неохота,
Чтоб с людской судьбой
Смерть сводила счеты
Спусковой скобой.

Везде нас сопровождали семечки, которые мои папа и мама называли «деревянным десертом» и были не прочь полакомиться ими. Мама не грызла семечки, а выщелучивала зернышки ноготками, как попугай изогнутым клювом, но сразу не посылала в рот, а набирала щепотку, чтобы

ощутить прелесть изобилия. Отец поступал по-другому: он ставил две тарелки, одну с толстыми, глянцевыми как жуки, семечками, а вторую, пустую, для шелухи. Первое время сортирование зерен и плевел шло благополучно, но потом, когда, не прерывая процесс, он начинал дремать, содержимое обеих тарелок превращалось в невообразимую смесь, из которой трудно было выловить рациональное зерно. Сейчас в каждом магазине можно купить пакетики семечек «От Мартина» или «Бабы Мани». А тогда эти бабы Мани сидели на деревянных лавочках у своих дворов, и перед ними на низеньких скамеечках стояли тазики с жареными «семушками», поверх которых возвышался стакан, наполненный «с горкой», неотвратимо манящий покупателя. Покупатель тут же опрокидывал покупку в карман, и, продолжая шествие, ловко закидывал оптом горстку семечек в рот за одну щеку, а вот грыз и выплевывал поштучно. Мастерство особого рода. У большинства учеников семечки были в запасе, и, когда сдавали нервишки, «втихаря» лузгали семечки. Я однажды попался на уроке. Самая строгая учительница, к тому же завуч, застукала меня и вызвала к столу:

– Покажи карманы! – скомандовала она. Я вывернул для начала пустой карман.

– Покажи второй!

Нависшая угроза, а это, как правило, отнятый портфель, замечание в дневнике красными чернилами, толкнули неожиданно для самого себя на подвиг. Я повернулся по команде, но не на пол оборота, а на полный, и показал тот же карман. Гроза миновала. А когда прошел животный страх с трясучкой, я с гордостью осознал свой подвиг.

Новые фильмы стали выходить все чаще и чаще, и сеансы чередовались. Это не то, что один фильм в месяц, тут успевай – не зевай. Да еще хлынули китайские, о которых говорили так: есть фильмы плохие, хорошие и китайские. Индийские свели с ума всю Россию. «Итегдана, итегдана, дана упердана…» и «Бара му, а-а-а-а», – как это воспринималось на слух, не пели и не подвывали разве что собаки. Не буду брать непосильную для меня роль киноведа. Для меня важнее роль кино в судьбе моих близких.

Вышел фильм «Дама с собачкой» с Ией Савиной в главной роли. Он, естественно, демонстрировался и в кинотеатре «Звезда» в соседнем доме. Мама смотрела этот фильм одиннадцать раз и после каждого сеанса возвращалась домой «с мокрыми глазами», по выражению отца. Я тогда уже понимал, что дело было не совсем в фильме, хотя всплакнуть о судьбе чеховской героини было основание, особенно, у женщин. На то он и Чехов, и классно подобранные актеры. Что-то общее, пусть косвенно, было связано с маминой судьбой, идущей из далекого прошлого. И однажды я написал одну фразу, посвященную ей:

Ты часто плакала, мама,
Значит, не могла иначе.

Сидят в моей памяти фильмы, бессмертные, даже после смерти великих актеров, даже молчание которых в кадре волновало как искренняя речь. Назовешь пару-тройку этих имен, а далее: et cetera, et cetera…

Не перейти бы на брюзжание, но ведь наши кинозвезды часто речью, молчанием и лицом во весь экран изображают полных придурков, в отличие от мастерски игравшего Савелия Крамарова, а в лучшем случае – художественную самодеятельность, и годятся на рекламу куриных наггетцов и сексуально гарантирующих успех средств.

В далекой юности я, естественно, попал в армию. С Красной Пресни новобранцев повезли неведомо куда, но в южном направлении. И этим «неведомо куда» оказался город Чертков в Западной Украине, где, кстати, нас пугали офицеры бандеровцами и, как оказалось в настоящее время, не зря. До того, как принять присягу, нас – зеленых, необстрелянных – в выходной повели в местный кинотеатр. Вся воинская часть в новеньком ХэБэ, в нерастоптанных кирзовых сапогах, была втиснута в один зал. Над экраном висел традиционный лозунг, видимо, особенно понятный местному населению: Art belongs to the people!

Нашего образования хватило для дословного перевода. Кто не мог перевести, особенно не парился над разгадкой. Погас свет, и в темноте кто-то издал козлиное блеянье. Это послужило для всего зала бикфордовым шнуром выбросившим вспышку в зал, наполненный метаном. Началась активная перекличка петухов, индюков, коров и свиней, всей живности, знакомой боевому призыву по гражданской жизни. Творилось нечто невообразимое. Что шло на экране никого не волновало. Внезапно вспыхнул свет, умеривший наш расходившийся, распоясавшийся скотный двор.

Раздалась команда:

– Всем немедленно покинуть зал и построиться повзводно!

Нас повели в часть. Взбешенные офицеры и сержанты шли в стороне от нас, будто сами по себе, делая вид что непричастны к этому шумному происшествию. Но порция строевой подготовки увеличилась в несколько раз

Такое кино. Насчет семечек?.. Семечки покупали по четвергам, в банный день. К помывочному заведению под названием «Миська лазня» (Городская баня), подходили представители местной розничной торговли. Среди разносолов, предлагаемых воинскому контингенту, освежившемуся хозяйственным мылом, были семечки и орехи, продукты генетически связанные со скорлупой и шелухой. Эти отходы появлялись и в казарме, но за это расплачивались очередные дневальные. От старшины, который наличие пыли на рамках с инструкциями проверял ослепительно белым платком, так что от его прицельного взгляда ничего не могло укрыться в казарме. Такое кино, или точнее – семечки. Это было намного раньше рождения сына Игоря.

Я выписал для сына «Пионерскую правду», которую изредка просматривал сам. У сына, как говорят взрослые, «руки не доходили» до этой газеты, ибо реальную жизнь он предпочитал ощупывать своими руками и ногами, обследуя котлованы ближайших строек, разводя костры на пустыре, после которых являлся весь в саже и пропахший дымом. Втихомолку смывался на Красную площадь.

Однажды мне попалось объявление о пробе на роль главного героя в фильме «Приключение Тома Сойера», который ставил режиссер Станислав Говорухин. Я выслал фотографию Игоря по нужному адресу. Через некоторое время пришло приглашение на кинопробу. На Игоре отбор закончился: он успешно прошел на главную роль. Ему пошили костюмчик, в котором он отправился на Одесскую киностудию. Но его судьба была решена по другому: Никита Сергеевич Михалков привел своего кандидата, а против Мэтра не попрешь. Это и Станиславу Говорухину было не под силу. Игорю дали эпизодическую, утешительную роль в первой серии четырехсерийного фильма, но держали в запасе для выполнения трюков вместо Феди Стукова. Тогда его, как дублера, переодевали в костюм Тома Сойера, который был изначально пошит именно на него. Такие семечки...

Все складывается в пользу семечек, будто иного нет для сквозной темы. Есть, конечно, и не одна, и не все благожелательные и успокоительные, от некоторых рыдать хочется, но не сейчас.

Вот опять: осенью, когда семечки, расположенные фантастическим, почти математическим узором в подсолнухе, наливаются силой, из молочных превращаются в плотную, сытную мякоть, мы разными путями, вплоть до ночного ограбления чужих огородов, обзаводились каждый для себя по этому солнечному, щедрому кругу и носились с ним, руля, как автомобильной баранкой, и урча мотором. Делали передышку и выклевывали семечки по кругу, начиная с крайнего ряда. И далее опустошали эту шапку круг за кругом, приближаясь к центру, на котором в конце концов оставался островок из мелкоты. Это был финал в судьбе подсолнуха. Тогда запускали это поклеванное чудо «куда глаза глядят». А глаза глядели в противоположную сторону от полета. Всю эту солнечную и добрую красоту огородного добряка я оценил или, вернее, переоценил, когда увидел его на картинах Ван Гога. Открылись иная суть и магия, и не только в нем, а и в его стоптанных «Башмаках» на полотнах, украшавших музеи мирового значения. Они открылись и продолжились в вечную жизнь, ведя за собой великие имена. Стоптанные подошвы и подсолнухи прошли по моим чувства и философствованию о смысле жизни, оттеснив на время Шопенгауэра, Ницше и Канта, дав дорогу живописному бельканто. Может быть, они и вернули меня в далекое детство, чтобы я вновь прошел этот путь к себе, попутно отбросив шелуху.

Едва над Арлем рассвело,
Еще росой покрыты лозы,
Он, будто раненым крылом,
Не кистью – телом бьется оземь.
Из хмеля выпутался мост,
Горячей магмой брызжет сполох,
Грачом поклеванный подсолнух,
Быть может, обессмертит холст.

Горизонт осознания, очерченный детским восторгом, вдруг волнообразно разошелся концентрическими кругами, благодаря восходящему солнцу Ван Гога, да еще импрессионистским переливам музыки Дебюсси, завершавшейся не литаврами, а мягким «нон» аккордом.

Живет во мне второй, незримый человек. А, может быть, это я – второй или третий, а он – первый. Идет впереди меня, не оставляя тень, похищая меня без предварительного сговора. Это я отбрасываю дневную тень, а иногда даже две, движущиеся, но расходящихся из одной точки, именуемой «Я», когда впереди и позади меня горят ночные фонари.

Костяк доминанты упрятан
в загадочный НОН,
Сочатся аккорды сквозь век,
затыкающий уши,
Чудит человечек на стынущем
гребне времен,
Смахнул колоннаду, но выстроил
замок воздушный.

От флейт тростниковых
качаются коброй басы,
В органные крепости круто
сколочены сосны,
И в каждой росинке строптиво
царит Дебюсси,
Из каждой прожилки сочатся
грядущие весны.

К узлам корневищ припадает
ничком клавесин
Подслушать, как влага творит
первородное дело,
А солнце с размаху
в весеннюю лужицу село –
Разбуженный Фавн игрою воды
искусил.

Трезвучья все жгучей, хоть с лезвия
пряность вкуси,
Вот-вот по батисту забрызжет
багрянец черешни,
И, фалды откинув, засучит
рукавчики леший,
Дай бог, ему участь – тот странный
камзол не сносить.

Он будет венок из диезов
цеплять на рога,
А клавиши к центру сгребать,
как осенние листья,
Швырять в высоту, а стручки
изготовить на выстрел,
Чтоб тень зодиаков легла
по-собачьи к ногам.

Владимир Райберг, член МГП

АССОЛЬ, ОФЕЛИЯ, МОНА, МАРГАРИТА... И ДРУГИЕ ЖЕНЩИНЫ АНАСТАСИИ ВЕРТИНСКОЙ

Не стану лукавить, сказав, что она была моей любимой актрисой. Но тот факт, что в советские времена она была большой актрисой, настоящей актрисой – сущая правда.

Как-то вдруг, легко и неожиданно начав кинокарьеру, сыграв в начале шестидесятых свои первые романтические роли Ассоль в «Алых парусах», а затем Гуттиэре в «Человеке-амфибии», она мгновенно стала сияющей советской кинозвездой с совершенно «несоветской» внешностью и, разумеется, предметом всеобщего мужского обожания – Анастасией Вертинской.

Меж тем юная Настя в то время была даже не актрисой, а просто необыкновенно красивой дочерью великого артиста, певца и поэта Александра Вертинского, вернувшегося в Союз и принятого высшей театральной богемой. Таковой и видели Настю режиссеры, приглашая сниматься в кино – «дочкой Вертинского», совершенно не замечая ее актерских способностей. И слава, обрушившаяся на девушку, подиумы международных кинофестивалей не могли компенсировать ее неудовлетворенность, потому что, имея сильный характер, Настя уверенно определила уже свой путь в искусстве... Однако лишь спустя годы сыграв Офелию в знаменитом «Гамлете» Григория Козинцева, где она увидела гениальную игру Смоктуновского, Названова и других великих актеров, Вертинская впервые осознала по-настоящему, что путь этот будет трудным и тернистым, но что это – ее путь.

Вообще работа с Козинцевым над «Гамлетом» стала для Насти хорошей школой и откровением. Мэтр был жесток: выбрав Вертинскую на роль Офелии, очарованный ее тонкой женственностью и «воздушной» пластикой, он не сомневался, что актриса создаст прекрасную визуальную ткань образа девушки эпохи Возрождения, и не ошибся, однако вскоре был разочарован – ее игра была почти лишена духовного содержания. Козинцев потрясал над ней кулаками, снова и снова пересказывал Шекспира и объяснял, что только через страдания можно войти в образ героини и добиться высокой эмоциональной интенсивности – через страдания! И заставлял актрису вспоминать свои... Это были уроки настоящей актерской драматургии, хотя, к слову сказать, у юной Вертинской был довольно серьезный личный драматический опыт – потеря отца, которого она боготворила, принесла ей немалые страдания. Но, конечно, мэтру было виднее.

Роли Офелии, тем не менее, а затем Лизы Болконской в «Войне и мире» явились прорывом Вертинской в большое искусство и стали определяющими в ее судьбе – в кинозвезде прорастала актриса. Теперь ее первые лирические героини-грезы Ассоль и Гуттиэре были ей просто смешны, как смешны нам фотографии детства, на которых мы выглядим наивно и глупо. Теперь – что в театре, что в кино она создавала образы женщин в основном из классического репертуара и стала, по выражению какого-то критика, «са-

мой литературной нашей звездой». Нельзя сказать, что путь актрисы был усыпан розами, особенно в театре, но предложения сыпались на нее как из рога изобилия. Театральные и кинорежиссеры, предлагавшие ей ту или иную роль в своих постановках – будь то драма или комедия, наперебой и прилюдно утверждали, что актриса создана для нее и, надо сказать, были весьма проницательны и оказывались правы. Можно пересмотреть того же «Гамлета» или «Анну Каренину», где она прекрасно сыграла роль Кити Щербацкой, «Войну и мир» или «Кражу» со Смоктуновским, комедию Георгия Данелия «Не горюй!» или великолепную, ее любимую «Безымянную звезду», или же ее блистательные работы в театральных спектаклях «Современника» и МХАТа – «Двенадцатая ночь», «Тартюф», «Вишневый сад» или «Дядя Ваня», чтобы убедиться в разносторонности актерского таланта Анастасии Вертинской.

Ну и кроме того, творческое возмужание, известность, но в основном обрушившийся на нее звездопад, причинявший ей немало страданий, дали, однако, Насте отличную возможность выбирать. И здесь полностью проявился ее художественный вкус и сильный характер. Она решительно отказывалась даже за большие гонорары от ролей, которые были ей неинтересны, и не потому, что не смогла бы их сыграть, а потому, что не видела в них себя, не понимала их смысла. Это были обычно советские фильмы-штампы.

«Ну не могу я играть сталеваршу или комсорга цеха с аккуратно вымазанной щекой, в которую влюбляется какой-нибудь хулиган, перековывается и становится правильным комсомольцем!» – дружелюбно, но твердо объявляла Вертинская. И не играла, надолго уходя с экрана. Это время она называла «перерывами». В постперестроечное время, когда российское кино превратилось в сплошную «чернуху», Вертинская объявила большой «перерыв» под названием «Я не хочу играть маму киллера!» и уехала за границу преподавать русское сценическое искусство сначала в Оксфорде, а затем в Париже, в школе «Комеди Франсэз», где уже работали ее друзья Андрей Смирнов, Саша Адабашьян и Александр Калягин. Были ли эти годы счастливыми или просто успешными для нее – это уже другая история, однако связь с театрами Москвы и реже – съемочными площадками она не прерывала.

В конце восьмидесятых – начале девяностых состоялось заметное оживление в творческой жизни знаменитой актрисы. Анастасия Вертинская блестяще сыграла в фильмах «Житие Дон Кихота и Санчо» и «Новые приключения янки при дворе короля Артура» неожиданно отрицательные роли, а потом, на контрасте – «придурковатую мамашу» в картине «В городе Сочи темные ночи» (1989). Затем актриса обратилась к режиссуре и по своей пьесе «Мираж, или Дорога русского Пьеро», написанной по воспоминаниям отца, поставила спектакль, в котором сама сыграла роль Александра Вертинского. Когда у нее появилась возможность поработать на ТВ, Вертинская создала цикл интересных авторских программ «Другие берега», в которых рассказывала о необычных творческих личностях, и с такими же встречалась. Однако вскоре программу, успевшую стать популярной, закрыли.

В 1994 году в фильме Юрия Кары «Мастер и Маргарита» по роману М. Булгакова Вертинская сыграла Маргариту – роль, которая отняла у нее много нервных и творческих сил, но принесла удовлетворение. Быть может потому, что образ этой женщины, отбрасывающей «инфернальную тень всего булгаковского романа», был очень близок самой актрисе.

В двухтысячные годы Вертинская совсем ушла из кино, а на сцене, по возвращении из-за границы, была отмечена лишь однажды в спектакле «Имаго» по мотивам пьесы «Пигмалион» Бернарда Шоу, в котором снова шокировала публику необычной трактовкой своей роли...

В общем за свою долгую творческую карьеру на сцене и экране Вертинская «прожила» множество необыкновенных женских жизней, может быть, не всегда убедительно, но главное не в этом. Благодаря своим природным данным, но больше – интеллекту, упорству и опыту, она получила признание как одна из самых серьез-

ных драматических актрис, сумевшая полностью раскрыть все грани своего таланта. Весьма вероятно, что это так и есть, потому что недавно, посмотрев «Мастер и Маргарита» (фильм вышел только в 2011 году) и несколько отрывков из других фильмов и телепостановок, я воочию убедился, как далеко унесли Вертинскую «алые паруса» ее творческой юности от грациозной и... одномерной Ассоли, от утонченно-женственных, но примитивно сыгранных первых ролей к потрясающей выразительности последних ее работ, требующих подлинного актерского мастерства.

Итак, перед нами целая галерея прекрасных женских образов, созданных Анастасией Вертинской за тридцать лет активного театрального творчества. Браво, актриса!

Однако портрет Вертинской был бы неполным, если не упомянуть о нескольких ролях, сыгранных ею в личной жизни и занесенных, безусловно, себе в актив. Жизни, может быть, не сложившейся, но яркой и драматичной. «Мужчины в ее жизни» назовем этот короткий раздел, согласны? К счастью, в интернете ее личная жизнь описана настолько подробно (вплоть до ощущений!), что от длинных описаний и чувствительных нот мы избавлены полностью – «бельевой шкаф» актрисы разворошите в интернете, кому охота.

В шестидесятые годы Настя-кинозвезда и студентка Щукинского театрального училища познакомилась с однокурсником Никитой Михалковым, «Никитоном» – простым сыном главного поэта страны... да, и между ними вспыхнул роман, а затем «безумно влюбленные» поженились, и у них появился сын Степан, который сейчас – «главный мужчина ее жизни». С первой ролью жены и матери Настя справлялась успешно, но недолго. Двум сильным творческим личностям, стремящимся каждый к своей вершине, мешала семья, и спустя три года они развелись, сохранив, впрочем, дружбу.

Роль супруги экстравагантного певца Александра Градского, очарованная его голосом Вертинская сыграла почти театрально, в стиле «хиппи», но жизнь их с ключевым диалогом: «Ты всегда теперь будешь Анастасией Градской! – Но ты никогда не будешь Александром Вертинским...», тоже продержалась недолго, что-нибудь около трех лет. Затем каждый пошел своим творческим и жизненным путем. В то время Настя перешла в театр «Современник» к Олегу Ефремову, а через несколько лет, влюбившись, вслед за ним ушла во МХАТ. Эта любовная история, в которой Вертинская очень честно сыграла драматическую роль любимой женщины Олега Ефремова, длилась почти двадцать лет. «Он не был веселым и сильным мужчиной, но всегда внимательным и нежным..», но «слишком много пил», так что Настя все-таки ушла и навсегда покончила с играми в супружество.

Тем не менее семейная жизнь Анастасии Александровны – которой недавно исполнилось семьдесят лет, сложилась, по ее мнению, прекрасно. Сейчас она живет в окружении преданных, любимых и любящих ее людей – это семья сына, где трое внуков боготворят свою бабушку «Нану». К тому же сейчас она вплотную занимается песенным и мемуарным наследием отца, великого русского шансонье Александра Вертинского. Это и есть сегодняшняя личная жизнь знаменитой актрисы. «Времени почти ни на что не хватает!». Но иногда бывают минуты, когда оставшись одна, она украдкой ставит в плеер диск со своими фильмами, которые записал Степан, слышит деревянные голоса озвучки старого кино и в расплывчатом изображении лент пятидесятых видит загорелую юную красавицу Ассоль, неумело и трогательно выкрикивающую свои монологи. Анастасия Александровна улыбается и быстро смахивает неожиданно навернувшуюся на глаза слезу...

Это выдумка. Да, это мои фантазии, дорогой читатель. Но мне думается, что даже у великой актрисы, живущей столь бурной и счастливой творческой жизнью, такие минуты все-таки должны быть.

Анатолий Сигалов, член МГП

НАТАЛЬЯ СЕРГЕЕВНА БОНДАРЧУК

КУЛЬТУРА ПРИНАДЛЕЖИТ ДРУГОМУ ИЗМЕРЕНИЮ

Я приехала в Баден-Баден из Санкт-Петербурга и считаю, что мне очень посчастливилось прожить в этом маленьком (по сравнению с родной Северной столицей) городке, первые 7 лет жизни в Германии, ведь тут я познакомилась с таким количеством интересных людей из мира политики, культуры, искусства, что хватит на большую книгу, которой я уже тогда придумала название: «Приезжайте в Баден-Баден!». Предлагаю вашему вниманию одно из моих последних интервью, которое я сделала во время «Дней Российской культуры в Баден-Бадене». До сих пор, например, не гаснет во мне чувство радости от знакомства и незабываемой беседы за чашечкой кофе с замечательной женщиной, актрисой театра и кино, режиссером и сценаристом, дочерью знаменитого режиссера Сергея Бондарчука Натальей Бондарчук.

– Наталья Сергеевна, расскажите, пожалуйста, о своем детстве.

– Я жила в однокомнатной квартире с родителями и бабушкой, которая была сибирской писательницей и меня воспитывала. Вот это и дало мне хорошую закваску на будущее. А еще меня с детства окружали писатели. Причем крупнейшие писатели, как я лишь потом поняла, когда уже достаточно повзрослела.

У нас не было своего загородного дома, и мы на лето снимали дачу у бабушкиной подруги по литинституту Зинаиды Сейфулиной в знаменитом Переделкино. Представьте: я, например, ходила на костры к самому Корнею Ивановичу Чуковскому, я общалась с Александрой Бруштейн, Валентином Катаевым, Зинаидой Сейфулиной и многими другими знаменитостями из литературного мира. Я просто-напросто привыкла, что рядышком всюду живут разные детские писатели. Однажды мы шли с мамой по поселку и увидели, как какой-то человек красит яблоньку известкой.

Я спросила у мамы: «Это детский писатель?»

А она говорит: «Нет, взрослый! Это Борис Пастернак!»

То есть в Переделкино у меня был «свой» настоящий писательский круг. С другой стороны у моего отца был обширный круг знакомых киноактеров и режиссеров, с которыми я тоже постоянно общалась будучи еще ребенком. И это было для меня абсолютно естественно – находиться и расти в такой замечательной среде. Я часто хожу по коридорам Мосфильма и думаю: найду ли я когда-нибудь фотографии людей, которых я бы лично не знала? И, представьте, я не нашла ни одной! Знаменитый Эйзенштейн, например, гладил по головке мою маму после спектакля «Молодая гвардия», где она, еще совсем молоденькой девушкой, играла Любу Шевцову. Через мою судьбу прошли почти все известные актеры – это, например, Рыбников, Баталов, Лучко. Это те, кого я не просто знала, а хорошо знала – их судьбы, семейные отношения... То есть практически я живу до сих пор вот этим знанием – как это все происходило, как создавалось и существовало настоящее высокое искусство.

– А вы тоже мечтали в детстве стать знаменитой актрисой?

– Да ни за что! Я всем говорила, что хочу быть... пожарником. Потому что себя считала дочкой героев-молодогвардейцев.

– А когда вы начали сниматься в кино?

– Сниматься я начала только после того, как закончила киноинститут. Ну конечно, актерские роли папы и мамы я видела раньше. И думала, как я уже говорила, что я – дочь настоящих героев-молодогвардейцев, то есть, что мама – это Люба Шевцова, а папа – Валько… Я им подражала – носила шапочку со звездочкой, например. А вот моя актерская карьера началась со ВГИКа. Мне очень повезло в жизни, потому что я с самыми крупными режиссерами была в дружеских отношениях. Однажды по ВГИКу молниеносно прошел такой слух: по нашему коридору гений идет, настоящий гений. А «гений» шагал в белой шапочке и в кашне. Марина Влади его сопровождала. Это был… Тарковский. Он искал героиню для нового фильма. И он пришел на третий курс к Сергею Герасимову. А я уже тогда, хотя была еще совсем юной студенткой, играла такой разный «возрастной» репертуар: в «Над пропастью во ржи» Селенджера мать Гамлета – Гертруду, которой было 42 года, потом в следующем спектакле меня выносили на сцену в кресле в роли Коробочки, которой было больше 80-ти, а потом я выбегала на подмостки настоящим сорванцом и дралась, пела, танцевала в известном мюзикле «Вестсайдская история». И вот за этот репертуар меня Андрей Тарковский и пригласил к себе на пробы для фильма «Солярис» вместе с Донатосом Банионисом и, просмотрев их, сказал: «Я тебя... не утверждаю!»

Я спросила: «Можно узнать почему?»

Он ответил: «Можно! Ты на себя посмотрела в зеркало? Так вот: ты слишком… юная для Баниониса!»

Банионис расстроился… Но, чтобы я не пропадала, он меня представил замечательному режиссеру Ларисе Шепитько, то есть показал ей мои пробы, и она меня сразу же без дополнительных проб приняла на фильм «Ты и я». Это было настоящим чудом! Потому что Шепитько – это наш крупнейший режиссер! Я отыграла у нее в фильме и узнала, что Андрей так никого и не утвердил на роль в своем фильме, хотя уже полгода прошло. Он перепробовал всех актрис, а героини так и не нашел.

Тогда я сказала Ларисе Шепитько: «Лариса Ефимовна, покажите снятый материал вашему другу, пожалуйста!» – Она показала.

И он спрашивает ее: «А кто это у тебя там Надю играет?»

А она отвечает: «Как это кто? Это же твой „подарок“ – Наташа Бондарчук!»

А Тарковский говорит: «Тогда отдавай этот подарок обратно!»

Так что это судьба, что я снялась в таком фильме, который в советское время был показан в 50-ти странах мира! И я все 50 этих стран объездила! Лишь «Война и мир» и «Солярис» – имели тогда такой успех в прокате, и еще немножко «Бег» по Булгакову. Так произошло, потому что мы были призерами Каннского кинофестиваля, получили там «Гран-при». Но это была все же не «Пальмовая ветвь», и Андрей очень расстроился. Дело в том, что «Пальмовую ветвь» обычно получали коммерческие картины, а Фелини, Антониони и Тарковский получали просто «Гран-при»… Но он не хотел с этим мириться! Хотя, именно благодаря «Гран-при», этот фильм и вышел у нас в советское время в прокат, иначе он бы лежал на полке, как «Андрей Рублев»… Правда, фильм вышел ограниченным прокатом в России и... неограниченным за рубежом… Его купили все страны мира, потому что (это скрывалось в советское время!), мы получили еще и приз протестантской церкви за… божественное начало в картине… Таким образом, если вы представите себе сейчас земной шар, то не найдете на нем почти ни одной крупной точки, где бы мы ни побывали!

– В каком году это было?

– Это было в 1972 году и, начиная с этого года, у нас были бесконечные выезды за рубеж. А потом я сама поступила на режиссерское отделение.

– Вы снимались во многих фильмах, а какая роль была у вас все-таки самой любимой?

– Мой любимый образ – Мария Балконская в «Звезде пленительного счастья», но этот фильм шел не так много, как «Солярис». Вообще советские фильмы шли не так широко в родном прокате, как и сейчас, впрочем.

– А родители хотели, чтобы вы стали актрисой или режиссером?

– Нет, это стало сугубо моим личным желаниям после того, как я перестала мечтать о профессии пожарника. И мама понимала, что я не отступлю от него. Я в детской самодеятельности участвовала с 13 лет. Но то, что меня примет к себе Герасимов, никто не рассчитывал! В то время уже подросли дети «молодогвардейцев». Например, сын Н. Тихонова и дочь С. Гурзо. И он не принял их. Я была одной из немногих, в кого Герасимов поверил.

– А с каким режиссером вам было приятнее всех работать в кино?

– Прекрасно было с Герасимовым! Это мой любимый учитель, величайший учитель! Конечно, и с Андреем Тарковским тоже мне замечательно работалось! Он был больше чем учитель или режиссер. Он был моим другом, который просто создал меня в кинематографе!

– Тогда расскажите, пожалуйста, немного о нем.

– Он был своеобразен! Есть кинематограф и есть... Тарковский – и это разные вещи! Потому что есть особое явление – кинематограф Тарковского! Мы с ним не только на съемочной площадке встречались, но и ездили по зарубежным странам. Помню, однажды к нему на Каннском фестивале подошли молодые корреспондентки из пролетарской газеты. А он как раз немножко выпил и спрашивает их: «А вы в бога веруете?» – Это Тарковский-то, советский режиссер такой вопрос задает.

А они отвечают: «Да нет-нет, что вы! Мы же из пролетарской газеты!»

А он: «Ну так тогда я не буду с вами разговаривать!»

Очень своеобразным было у меня и ощущение западного мира. У нас же тогда все было лимитировано, расписано. Однажды гуляем мы с ним во Франции по Парижу, а нам навстречу едет на велосипеде человек. У него вид – ну просто, как у Карла Маркса! Такая же кудрявая голова, а в усах и в бороде… васильки… Так вот – он едет на велосипеде и поет…

Андрей остановился, зачарованно уставился на него и говорит мне: «Смотри, Наташа: вот это и есть – Свобода!» – Потому что представить такого человека у нас, в тогдашнем Союзе, и в страшном сне было невозможно, все же ходили абсолютно одинаково.

– А как вам живется в сегодняшнем времени?

– Вы знаете – я счастлива, что сегодня могу сесть в машину вместе с сыном и проехать по всем австрийским и немецким городам свободно, без каких-либо ограничений. Где мы хотим, там мы останавливаемся, где хотим – ночуем. Никто за нами не наблюдает, не присматривается, не прислушивается – мы свободные люди! И в этом отношении я благодарна новому времени. Другое дело – у нас в стране происходит жуткое расслоение общества на бедных и «круто богатых» – и это несправедливо! А я – человек с зачатками справедливости. Меня так воспитали, и мне обидно наблюдать такое явление. А так мне нравится, что сейчас, например, свобода голоса, переписки, и я могу общаться по интернету со всем миром. У меня есть свой «блог» в Facebook. Приобрела благодаря этому хороших друзей. Один, например, прислал мне из Японии плакат «Солярриса», что было очень приятно! А еще – все мои друзья, которых я уже подрастеряла за годы, вдруг нашлись благодаря тому же Facebook! Практически я уже работаю в интернете просто, как СМИ и, поскольку я с 13-ти лет пишу сценарии, то мне не представляет труда составить небольшой текст и сразу дать его в интернете. А какие замечательные отклики потом идут!..

– А город Баден-Баден вам нравится?

– Ну конечно, очень нравится! Потому что я безумно люблю природу! Я вот пробежалась по парку и столько всего наснимала! Я очень люблю фотографировать. Магнолии, например, здесь такие чудесные!

– Наталья Сергеевна, а вы рады, что дети пошли по вашим стопам?

– Вы знаете, у них просто не было выбора! Можно так сказать! Ну вот Ваня, правда, все-таки музыку выбрал, хотя будучи ребенком тоже снимался в кино.

– Расскажите немного о вашем первом муже, знаменитом народном артисте Николае Бурляеве.

– Я с ним очень дружу. И в фильме «Гоголь ближайший» вы можете увидеть его вместе с женой. Он снимался и у меня в «Тютчеве» уже после нашего развода. Мы дружны семьями и практически составляем как бы одну сборную семью. Его двое детей очень любят мою дочь Машу. Дело в том, что ни мой муж Игорь Днестрянский, ни его жена – не виновны в нашем расставании. Поэтому у нас нет никаких претензий к друг другу, и мы просто друзья. Я с удовольствием отправляю детей за границу с Колей, он помогает им невероятно совершенно, опекает, он – очень хороший отец, и то, что мы расстались – это наши причины. Я могу даже больше сказать: у нас не ухудшились отношения, а улучшились через какое-то время. Конечно, сначала были острые моменты, а потом, когда все сгладилось, все и хорошо получилось. Я и другим советую – налаживать отношения между семьями в первую очередь для того чтобы дети не страдали. У детей есть папа, а мой второй муж Игорь – им как друг. А папа – это папа!

– А что бы вы пожелали сегодня нашим читателям?

– Я желаю всем читателям, чтобы они были близки с культурой, потому что культура – это лучшее, что в нас есть.

Беседовала
Марина Ламбертц-Симонова,
член МГП

Учредитель:
Международная гильдия писателей
www.ingild.com

Издатель:
© Издательство STELLA
www.stella-verlag.com

ISBN 978-3-95772-101-3

Дизайн:
© В. Цветков
Ответственный секретарь:
Л. Баумгартен

Перепечатка материалов допускается только с письменного разрешения редакции. Редакция не несет ответственности за достоверность фактов и сведений в авторских материалах. Мнение авторов может не совпадать с мнением редакции. Редакция оставляет за собой право редактировать присланные текстовые и иллюстративные материалы.

На обложке:
Cristofano dell'Altissimo «FAlchitrof, Emperor of Ethiopia».